

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ ИМ. В.П. СЕРЬСКОГО»
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ
И СОЦИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

МАТЕРИАЛЫ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
М.М. КОЧЕНОВА

ЧАСТЬ I

Москва
МГППУ
2005

Михаил Михайлович КОЧЕНОВ

Михаил Михайлович Коченов (1935 — 1999) — российский психолог, специалист в области клинической и юридической психологии, доктор психологических наук (1991), старший советник юстиции (1995), член Комиссии по помилованию при Президенте РФ (1992—1999). Окончив Московский городской педагогический институт (1959), несколько лет работал учителем русского языка и литературы в школе. Учился в аспирантуре факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (1966—1968). Ученик проф. Б.В. Зейгарник. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Нарушение смыслообразования при шизофрении» (1970), результаты которой представлены в монографии «Мотивация при шизофрении» (М., 1978, соавт.). С 1968 г. — сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре СССР, переименованного в дальнейшем в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. В 1992—1997 гг. — заведующий Отделом правовой психологии этого института.

Область научных интересов начиная с 1968 г. — теоретические, методологические и прикладные проблемы юридической психологии. Результаты были обобщены в докторской диссертации «Теоретические основы судебно-психологической экспертизы» (1991). М.М. Коченов в числе первых отечественных психологов исследовал возможности использования психологии как науки для решения вопросов уголовного судопроизводства, получения посредством использования специальных психологических познаний надежных доказательств.

Исследования М.М. Коченова содержат обоснование общего предмета судебно-психологической экспертизы (СПЭ) как особого раздела в системе юридической психологии, а также обогащают юридическую психологию новым знанием об объектах, методике СПЭ, содержании ее подвидов, возможностях развития комплексных экспертиз с участием психологов.

В работах М.М. Коченова содержатся новые данные о психологии личности преступников различных категорий, психологических механизмах преступного поведения, особенностях групповой преступной деятельности, о психологических основаниях уголовной ответственности, о соотношении критериев вменяемости, о психологии жертв преступлений, о психологических особенностях подростков-правонарушителей и др.

М.М. Коченовым разработаны методики и методические комплексы соответствующих подвидов СПЭ. Его заключения как эксперта-психолога использовались как доказательства в обвинительных заключениях и приговорах судов, как основание для отмены вынесенных приговоров.

ББК 88.47

М34 Материалы конференции по юридической
психологии, посвященной памяти М.М. Коченова.
Часть I. — М.: МГППУ, 2005. — 76 с.
ISBN 5-94051-016-7

ББК 88.47

ISBN 5-94051-016-7

© МГППУ, 2005

**Михаил Михайлович
КОЧЕНОВ
(1935—1999)**

М.М. Коченов в течение многих лет читал лекции по юридической психологии и СПЭ на психологическом и юридическом факультетах МГУ. Им опубликовано более 70 научных работ, в том числе: Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних. М., 1971; Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977; Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980; Судебно-психологическая экспертиза в органах военной юстиции. М., 1982 (в соавт.); Психология допроса малолетних свидетелей. М., 1984 (в соавт.); Изучение следователем психологии обвиняемого. М., 1987 (в соавт.); Использование следователем психологических познаний при расследовании дел об изнасиловании несовершеннолетних. М., 1989; Новые направления СПЭ. М., 2000 (в соавт.).

В 2005 г. М.М. Коченову исполнилось бы 70 лет. В настоящем сборнике представлены современные подходы к решению проблем судебной, правовой, криминальной, пенитенциарной психологии — тех направлений юридической психологии, на развитие которых оказали огромное влияние исследования Михаила Михайловича Коченова.

**ПРАВОВАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Модель психической организации и субъектного самоуправления личности

Л.В. Алексеева
Тюмень

Практика проведения судебно-психологических экспертиз опирается на теорию, объясняющую *структуру и функционирование психики*. При понимании *психического* как особой организации, а управления им как *воздействия*, осуществляемого для его достижения, механизм самоуправления должен представлять собой цепочку взаимосвязанных функциональных звеньев, подобную механизму самоорганизации. Функционирование психики человека предлагается представить как психическое самоуправление (ПСУ), механизм которого включает 13 функциональных звеньев, приводящих к самоорганизации. В таком случае логично считать, что перечень основных *функций психики* возникает из специфичности содержания *функциональных звеньев ПСУ*.

С 1-м звеном ПСУ — *актуализация потребности* — связан такой феномен, как *нужда, потребность*, имеющий свою специфику в виде предпосылки к деянию (как к акции, так и к реакции); функция этого звена — *побуждающая*.

Со 2-м звеном ПСУ — *принятие решения о цели* — связаны такие феномены, как *цель, целеполагание, выбор, устремление, уровень притязаний, целенаправленность*; функции этого звена — *создание реального побуждения и направленности активности — целеобразующая / целенаправляющая*.

С 3-м звеном ПСУ — *построение субъективной модели значимых внешних условий* — связаны такие феномены, как *образ внешнего мира, понимание действительности, знания, значения, интеллект, когнитивная сфера*; функция этого звена — *отражение, ориентировка, а также порождение информации*.

С 4-м звеном ПСУ — *построение субъективной модели значимых внутренних условий* — связаны такие феномены, как *Я-образ, Я-концепция, понимание себя*; функция этого звена — *осознание*.

С 5-м звеном ПСУ — *формирование программы действий* — связаны такие феномены, как *тактика, стратегия (при участии звена отношения), технология, технологичность*; функция этого звена — *программирование*.

С 6-м звеном ПСУ — *создание системы субъективных жизненных критериев значимости* — связаны такие феномены, как *эталоны (образцы), нормы, ценности (как объективно и субъективно значимые культурные значения); иерархия отношений, потребностей и целей; смыслы, чувства и высшие чувства; борьба мотивов, двойные мораль и стандарты, самоотношение*; функция этого звена — *проявление отношения*.

С 7-м звеном ПСУ — *осуществление дифференцированного синтеза информации, содержащейся в различных звеньях*, — связаны такие феномены, как

объединение, синтез, обобщение, целостность (или, наоборот, противоположные явления: *растерянность, отчуждение, диссоциация*); функция этого звена — *интегрирующая*.

С 8-м звеном ПСУ — *осуществление регуляции* — связано собственно исполнение, которое может осуществляться в виде практических, символических, вербальных, умственных актов (операций, действий, деятельности); *исполнительство* раскрывается в таких феноменах, как *активность и реактивность, как общение, созерцание и умственная деятельность, как умения, навыки и выученная беспомощность, а также заторможенность, ступор*; функция этого звена — *регулирующая / коммуникативная*.

С 9-м звеном ПСУ — *получение информации о результатах* — связаны такие феномены, как *обратная связь, ответ, резюме, ответственность*; функция этого звена — *результатирующая*, позволяющая получить обратную связь и подвести итог деянию. Результаты функционирования психики разнообразны — *образ, понятие, умозаключение, эмоции* и т.п. Результатом ПСУ может быть реальный продукт той или иной целостности: *инсайт или непонимание*. Этот продукт может иметь одновременно несколько составляющих: *двойная выгода, приобретение и потери, удовольствие и усталость*.

С 10-м звеном ПСУ — *контроль* — связаны такие феномены, как *сравнение, проверка, самоконтроль*; функция этого звена — *контролирующая*.

С 11-м звеном ПСУ — *оценка* — связаны такие феномены, как *измерение, рациональная оценка, эмоция, самооценка*; функция этого звена — *оценивающая*.

С 12-м звеном ПСУ — *прогноз* — связаны такие феномены, как *предвидение, экстраполяция будущего, перспектива*; функция этого звена — *прогнозирующая*.

С 13-м звеном ПСУ — *принятие решения о коррекции* — связаны такие феномены, как *изменения, инертность-пластичность, гибкость-ригидность, развитие, самокритика*; функция этого звена — *корректирующая*.

Определение возможностей человека к самоорганизации в *юридически значимой ситуации* устанавливается на основе его способности *осознанно организовать ПСУ*. *Осознанное субъектное самоуправление* человека есть результат развития психической самоорганизации. Соотношение теории *психической деятельности* и предлагаемой теории *психической организации* заключается в следующем. Каждое из звеньев ПСУ может быть организовано в виде операции, действия или самостоятельной деятельности; последняя возможность и порождает *сознание и сознательность функций*. Способность в социальном контексте с элементами неопределенности осуществлять *психическое самоуправление* в целом порождает *самосознание и осознанность функций*.

Исследование представлений граждан о возможности совершения противоправного поступка

И.А. Ананьева
Москва

Особенно значимым в настоящее время является изучение представлений граждан относительно возможности нарушения закона. Трагичность нашего времени в том, что жестокость преступлений начинает фиксироваться в сознании людей как очередные «сериалы», где постоянными являются «чрезвычайные ситуации» и жизнь наполняется внезапными событиями («как в кино»). Представление о преступлении как о чем-то «мерзком» заменилось многочисленными «деловыми решениями» ситуации нарушения права.

В рамках комплексного исследования факторов, определяющих девиантное поведение, была применена методика «Организация поступка». По типу методика представляет собой незаконченный рассказ (в качестве стимульного материала взят рассказ Ф. Бартлетта «Удобный случай»). В рассказе говорится о том, как двое англичан — Грей и Вайт оказались в ситуации встречи с преступником, признанным всеми чрезвычайно опасным для всего мира. До встречи с ним у них уже был составлен план убийства этого преступника (фотография которого рассылалась). Убийство его было бы «великим благодеянием для всего человечества». Поскольку рассказ обрывается, то в соответствии инструкцией, зачитываемой испытуемым, необходимо возобновить первоначальный ход действий, описанный в рассказе, и затем самостоятельно сконструировать дальнейшие события.

Проведенные исследования показали большой разброс мнений относительно представлений граждан о возможности совершения ими противоправного действия в условных встречи с преступником. Следует сказать, что каждый раз испытуемые оперировали обвинениями, оправданиями и на этом строили объяснение своих действий по отношению к преступнику.

1. Основная часть граждан высказывала представления, характеризующиеся отстраненностью от самостоятельного участия в данной ситуации. Они вели своего рода «политику невмешательства». Бездействие высказывалось через позиции «пацифистские». Объяснения своей пассивности строились в соответствии с тем, что в случае ответных действий они сами бы отождествились с преступником («Если бы мы это сделали, мы бы сами приблизились на шаг к этой мерзости», «Мы не имеем права лишить человека жизни, каким бы он ни был»). Бездействие трактовалось также через формулу «судьбы». Эти люди объясняли свое отстранение тем, что сама «судьба распоряжается человеком», не надо вмешиваться в ход событий, поскольку «все потом само решится» («Но это был настоящий несчастный случай»). Бездействие продуцировалось также фактором «страха» («Вайт отвернулся, закрыл глаза и начал плакать»,

«Ты оказался слабым. Ты не сумел убить одного человека, а он совершил преступление против всего общества»). Выдвигались обвинения одновременно, и преступника, и себя, естественно, с упреками в слабости и несопротивлении злу насилем. Страх перед преступником, ощущение бессилия были сильнейшими стрессовыми факторами, полностью фрустрирующими планы этих людей.

2. Следующей по значимости группой граждан были те, которые выдвигали позиции оправдания преступника. Такие позиции выстраивались, главным образом с точки зрения обвинения общества, правительства, других людей. Парадоксальность этой группы граждан заключалась в некоторой замене или переносе обвинений с преступника на общество («Их представления были поверхностны и навязаны обществом», «Все слухи о нем были провокацией со стороны правительства», «Грей и Вайт пообещали больше никогда не верить газетным статьям, готовым написать что угодно и о ком угодно»). В этих решениях буквально «перевертывается» начальная установка. Оправдание преступника строилось также в соответствии с чувством жалости («А сейчас он стоит перед нами безоружный, промокший, нуждающийся в помощи»). В данном случае у граждан отсутствует типичный образ преступника. Наблюдается замена реальной ситуации, в которой содержится угроза для всего человечества, мелочной и случайно возникшей. Более того, оправдание преступника возникает в связи с вдруг обнаруженной родственной связью («Каким бы он ни был, он все равно останется нашим братом»). Уход от решения реальной ситуации и замена ее другой проводились через постоянные колебания, свидетельствующие о незнании сущности происходящего. В результате находилось простое решение — это не тот человек («Но позже выяснилось, что он не имеет никакого отношения к человеку с фото»).

3. Следующей по мощности была группа граждан, которая отчетливо высказывала представления, связанные с нахождением способов борьбы с преступником. Главным образом это путь обращения в полицию («позвонили в полицию»). Таким образом, все испытуемые, относимые к этой группе, признавали допустимым убийство «самого опасного человека в мире». Эти позиции были четко связаны с необходимостью борьбы с преступностью, с возможностями собственного участия путем использования минимальных средств и оказания помощи в борьбе с преступностью, с преодолением чувства страха («Народу полезное дело сделали, да и в себе нашли силы справиться с опасным человеком в Европе», «Сами не стали приводить в действие свой план, а послали за полицией, предвкушая славу и честь, которая достанется за проявленную отвагу и находчивость»). Более того, выделилась группа граждан, которая признавала возможность и необходимость самостоятельного убийства преступника. Они были прямо вовлечены в борьбу с преступником и использовали при этом определенные способы его убийства. Естественно, свои действия объясняли тем, что «зло должно быть наказано».

4. Резким контрастом этой группе были другая группа граждан, которая выделяла фактор силы, мощности, победы преступника. Приводились определенные доводы в пользу «силы и изворотливости преступника», ведущие, в общем, к «невозможности борьбы с преступником». Были также факты помощи преступнику и «восхищения» преступником, которые признавались нами как своеобразное сочувствие и соучастие, готовность к делинквентному поведению.

Требования процедурной справедливости и реальное поведение судей¹

Г. Валицкас, В. Юстицкис
Вильнюс, Литва

Основа нашего исследования — интеграция достижений двух научных дисциплин — психологии и права, а также использование уже накопленного опыта и результатов исследований процедурной справедливости. *Цель исследования* — оценить, насколько применяемые в нашей стране процедуры судебного разбирательства соответствуют установленным принципам процедурной справедливости и тем самым способствуют или препятствуют формированию чувства справедливости. *Объект исследования* — судебное разбирательство уголовных дел.

Методы оценки. Для реконструкции важнейших аспектов судебного разбирательства мы использовали специально для исследования разработанную *методику наблюдения* над поведением судьи. На основе изучения уголовно-процессуального закона был составлен список так называемых «критериальных ситуаций» (возникающих в ходе рассмотрения судом самых различных дел, в которых судья имеет возможность, не нарушая уголовно-процессуального закона, вести себя в соответствии или вопреки требованиям процедурной справедливости). Данные о том, какие возможности поступить в соответствии с требованиями процедурной справедливости использовал судья, обобщались в специальные шкалы (активного участия, информирования, этичности поведения, тенденциозности, состязательности, апелляции и контроля понимания прав). Методике наблюдения были обучены 9 студентов и докторантов кафедры общей психологии Вильнюсского университета, которые наблюдали 103 судебных заседания трех городских и окружного суда г. Вильнюса (каждое наблюдение продолжалось от одного до нескольких часов).

¹ Исследование проведено при поддержке Открытого фонда Литвы (грант № 0130-0).

Для того чтобы определить, насколько применяемые процедуры судебного разбирательства поощряют или препятствуют формированию чувства справедливости, мы использовали *метод экспертных оценок*. Всего в исследовании участвовал 21 эксперт: семь судей, семь преподавателей юридических дисциплин и семь следователей. Средний рабочий стаж экспертов — 13,85 года.

Полученные результаты позволяют сделать такие *основные выводы*:

1. Соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости в различных ситуациях сильно различается (колеблется от 0 до 80%). Однако не было ни одной ситуации, в которой все судьи поступили бы согласно требованиям процедурной справедливости. Даже поведение «идеального» судьи в некоторых случаях (например, по шкалам контроля понимания прав, тенденциозности, состязательности и активного участия) изрядно отдалается от максимальных значений шкал процедурной справедливости.

2. Соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости зависит от того, как эти требования сформулированы в процессуальном законе:

2.1. В детально законом регламентированных ситуациях поведение судей соответствует требованиям процедурной справедливости в 59,5% случаев.

2.2. Когда ситуации были регламентированы законом только в общих чертах, поведение судей соответствовало требованиям процедурной справедливости в 45,8% случаев.

2.3. Когда закон не регламентирует ситуаций, поведение судей соответствовало требованиям процедурной справедливости в 7,6% случаев.

3. Выявлены существенные различия между отдельными стилями судейства (например, поведение «средних» судей, по сравнению с поведением лучших судей, по многим шкалам 1,5—2 раза меньше соответствует требованиям процедурной справедливости).

4. Все эксперты (судьи, следователи и преподаватели юридических дисциплин) признают важность требований процедурной справедливости и сходным образом оценивают процедуры судебного разбирательства споров (однако их оценки существенно отличаются от реального поведения судей).

5. В нашей стране законодатель предоставляет судье возможность применять самые эффективные (с точки зрения полученных эмпирических данных) процедуры рассмотрения споров. Однако законодатель не обеспечивает, чтобы судья именно так и поступал (поэтому реальное поведение судей значительно отличается от оптимальной модели рассмотрения споров).

6. Необходимо стремиться к тому, чтобы судебное разбирательство гарантировало бы не только объективную, но и субъективную (воспринимаемую) справедливость и тем самым удовлетворение граждан применяемыми процедурами рассмотрения споров, доверие к должностным лицам и законам.

Психолого-правовые исследования правосознания

Г.Х. Ефремова
Москва

Проблема правосознания, изучения его реального уровня, состояния, содержания относится к числу ключевых, основополагающих научных направлений юридической психологии. С ее решением связаны задачи укрепления законности и правопорядка, повышения эффективности и качества деятельности правоохранительных органов; борьба с преступностью и предупреждение причин, ее порождающих; постижение глубинных содержательно-психологических механизмов социального взаимодействия людей; познание движущих сил и внутренних регуляторов юридически значимого поведения.

Правосознание рассматривается нами как сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. Специфика этой сферы сознания — правовое опосредование и осознание социальных явлений, соотнесение их с правовыми требованиями, с представлениями о необходимости и границах правового регулирования, с правовыми оценками и отношениями.

Сотрудниками отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ разработана современная теория правосознания, показана его психологическая составляющая (правовая психология), определены его структура, функции, эмпирические показатели (знания, отношения, установки), методы и процедуры исследования, способы измерения и качественной оценки. На этой основе проведены первые и последующие исследования правосознания и правовой психологии разных групп населения и разных категорий преступников.

В течение всех лет существования отдела это направление развивалось в сторону углубленного изучения правосознания и правовой психологии различных демографических, социальных, возрастных, профессиональных групп, слоев и страт населения в разных регионах страны, что было необходимо для нужд социального управления.

В качестве объекта психолого-правовых исследований правосознания избирались различные группы населения, отличающиеся реальным юридически значимым поведением по признаку правомерности-противоправности. В соответствии с этим группы с правомерным поведением условно называются законопослушными, а с антиобщественным — правонарушителями и преступниками. Третью группу составляют работники правоохранительных органов — юристы-профессионалы.

Каждая из указанных категорий подразделялась на подгруппы, представляла самостоятельный объект исследования и в то же время служила контрольной по отношению к другим.

Для получения надежной информации о состоянии правосознания и общественного мнения использовался широкий спектр методов социологического, криминологического, социально-психологического и индивидуально-психологического характера. Массовые опросы и обследования по социально-психологическим и индивидуально-психологическим методикам сочетались и подкреплялись анализом документальных источников.

В результате применения различных индикаторов, измерительных процедур с использованием современной вычислительной техники и специальных статистических методов (группировок, обобщающих коэффициентов, индексов, корреляционного и дисперсного анализа и др.) выявлены не только разнообразные мнения и суждения респондентов, но и типы отношений к правовой действительности и деятельности правоохранительных органов, их распространенность и соотношение.

Углубленное изучение отношения населения к правовым ценностям и преступным посягательствам на них позволило выявить не только характер реакции на тот или иной вид преступной деятельности, но и систему обоснования избранных позиций, мотивы предпочтений в юридически значимых ситуациях, их устойчивость в массовом сознании.

Длительная и трудоемкая теоретико-экспериментальная работа, многократные замеры правосознания различных групп населения, различных категорий преступников в разных регионах страны, осуществленные на основе единого методологического подхода и по сопоставимым методикам, позволили выявить наиболее существенные характеристики общественного правосознания, механизмы его функционирования, роль и значение в решении задач укрепления законности и правопорядка.

Исследование представлений о правовых нормах у несовершеннолетних, не достигших минимального возраста уголовной ответственности

О.С. Шипшина
Ростов-на-Дону

Рост детской и подростковой преступности является одной из самых актуальных проблем современного общества во всем мире. Ежегодно число преступлений, совершенных несовершеннолетними, едва «преступившими» минимальный возрастной порог уголовной ответственности, увеличивается.

Целью нашего исследования стало изучение представлений о правовых нормах у законопослушных несовершеннолетних, находящихся на этапе перехода к нижней возрастной границе уголовной ответственности.

В исследовании приняли участие несовершеннолетние учащиеся восьмых классов в возрасте 13—14 лет. Из 166 обследованных 66 обучаются

в гуманитарной гимназии г. Ростова-на-Дону и 50 являются учениками средней школы в районном центре.

Мы исходили из того, что к 13—14 годам подросткам доступно осознание обязывающего характера правовых норм, что является показателем потенциальной готовности соблюдать закон.

С помощью специально разработанного нами опросника были получены следующие результаты:

1. Большинство подростков (до 70%) осознают обязывающий характер правовых норм. Это проявилось, прежде всего, в доминировании представлений о том, что законы существуют для их соблюдения. Испытывая затруднения в определении функций закона в обществе и государстве, несовершеннолетние, обучающиеся в гуманитарной гимназии, показали значительное многообразие ответов, большую часть которых (31%) составили обобщенные позитивные представления (законы существуют для того, чтобы «жить в мире», «чтобы была справедливость»). Также около трети несовершеннолетних (28%), получающих гуманитарное образование, уже в возрасте 13—14 лет могут дать абстрактное (соответственно возрасту) определение закона.

2. У подростков изучаемой возрастной группы в целом сформировано понятие преступления, однако, как правило, ответы отражали только одну из сторон данного понятия — или нарушение закона, или недопустимый поступок, или последствия, возникающие при нарушении закона. Часть ответов сводилась просто к перечислению составов преступлений (убийство, кража, грабеж и т.п.).

3. Было установлено, что наиболее опасными преступлениями несовершеннолетние считают (в порядке убывания) убийство, терроризм, изнасилование, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и захват заложника. В то же время наиболее распространенные среди несовершеннолетних преступления (кража, грабеж, угон автотранспорта, злостное хулиганство) значительной частью подростков не рассматриваются в качестве опасных преступлений.

4. Несмотря на то что уголовная ответственность по двадцати составам преступлений наступает с 14 лет, только 15% несовершеннолетних знают об этом. При этом обнаруживается тенденция «сдвига» представлений о возрасте ответственности ближе к 18 годам, особенно это характерно для школьников, обучающихся в средней районной школе. Несовершеннолетние, обучающиеся в гуманитарной гимназии, в целом имеют более точное представление о возрасте уголовной ответственности, в том числе и за наиболее распространенные «подростковые» преступления (кража, грабеж, разбой, угон автотранспорта, злостное хулиганство) — от 40 до 70% респондентов.

Таким образом, полученные нами результаты указывают на недостатки в системе правового образования и воспитания подростков. С целью снижения риска совершения противоправных действий требуется разработка специальных обучающих и тренинговых программ, которые знакомяли бы подростков с их правами и обязанностями.

**КРИМИНАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Проблема враждебности в криминальной и клинической психологии

С.Н. Ениколопов, С.О. Кузнецова
Москва

В настоящее время в мировой психологии довольно активно разрабатывается понятие «враждебность». Значительная часть исследований посвящена роли враждебности в развитии и протекании соматических (в первую очередь сердечно-сосудистых) заболеваний (Angermeyer М.С., 1981; Barefoot J.C., 1994; Семенова Н.Д., 1997; Охматовская А.В., 2001; Ениколопов С.Н., Садовская А.В., 2000), а также изучению враждебности, ее связи с эмоциональными реакциями, поведением, особенностями межличностного общения в малых группах (например, в супружеской паре и т.д.) (Timothy W. Smith и соавтор., 1990). Проблемы же взаимосвязи враждебности с психической патологией и биологическими процессами в организме до сих пор остаются наименее разработанными.

Само понятие «враждебность» является неоднозначным и различными авторами трактуется по-разному. В первых исследованиях враждебности такие понятия, как «агрессия», «агрессивность», «гнев», «враждебность», «цинизм», понимались синонимично и не имели четкой дифференциации. А. Басс (Buss, 1961) в своем исследовании попытался развести эти понятия. По А. Бассу, враждебность соответствует когнитивному компоненту психики, наравне с гневом и агрессией, которые являются эмоциональными и поведенческими компонентами соответственно. Еще одно понимание враждебности рассматривалось в подходе Barefoot (1992). Он понимал враждебность как «оппозиционное отношение к людям, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты». Таким образом, Barefoot рассматривает враждебность как сложное образование, включающее в себя гнев и агрессию в качестве поведенческих и эмоциональных коррелятов враждебности, которые выступают ее внешними индикаторами. Smith (1992) же определяет враждебность через категорию «отношение». Враждебность понимается им как комплекс негативных отношений, убеждений и оценок, применяемых к другим людям.

В отечественной психологии В.Н. Мясищев (1995), подробно разрабатывая категорию «отношение», отмечает, что враждебность формируется в процессе взаимодействия с ее объектом и затем задает пристрастность восприятию новых объектов. Таким образом, враждебность В.Н. Мясищев относит к эмоциональным отношениям. При этом враждебность ограничивается от собственно эмоций и от иных форм отношений, таких, как интересы, нравственные и эстетические убеждения. Подобную позицию в понимании природы враждебности занимает А.В. Охматовская (2001), которая определяет ее как негативное отношение к каким-либо объектам, исследуя особенности враждебности на материале больных бронхиальной астмой.

Подчеркивая единство отражения человеком действительности и отношения к ней, В.Н. Мясищев, таким образом, подводит нас к идее о том, что система отношений человека представляет способ реконструкции в индивидуальном сознании модели или «картины» окружающей действительности (Мясищев, 1966). В этой связи представляется целесообразным рассмотреть понятие «враждебность» в рамках отечественных и зарубежных представлений о картине мира (Петухов, 1984; Леонтьев, 1983; Петренко, 1997; Bowlby, 1969; Epstein, 1973; Mattis, 1975; Markus, 1977; Kelly, 1955; Janoff-Bulman, 1989).

Исследования взаимосвязи между враждебностью и психическими заболеваниями составляют самостоятельное направление в клинической психологии. Однако работы в этой области носят разрозненный характер и не рассматривают всего многообразия психопатологических расстройств. Кроме того, основная часть исследований враждебности при психических расстройствах затрагивает изучение лишь частных аспектов и симптомов болезни, не рассматривая влияние враждебности на этиологию и патогенез психического заболевания.

Ряд авторов подчеркивают взаимосвязь враждебности с шизофренией. Так, N.K. Free, C.N. Winget, R.M. Whitman выявили различные компоненты враждебности среди больных шизофренией: около половины больных обнаружили так называемую характерологическую враждебность, как правило проявляющуюся в поведении в виде негативизма, раздражительности, вербальной и физической агрессии. Ching-Yen Chen и др. (2001) отмечают корреляцию между уровнем враждебности и паническими атаками при хронической шизофрении. Больные шизофренией, у которых отмечались панические атаки, демонстрировали более высокие показатели враждебности и вспышки гнева. Наиболее яркие проявления враждебности можно наблюдать при паранойяльной форме шизофрении.

Целым рядом исследований показана связь между враждебностью и депрессией. Так, при депрессии показатели интропунитивной враждебности значительно превышают норму и доминируют над показателями экстрапунитивности. В то же время по данным клинических наблюдений депрессивные больные раздражительны, обидчивы, нередко вербально агрессивны, что явно свидетельствует об экстрапунитивной враждебности. Более сложным остается вопрос о «направленности враждебности» у депрессивных больных. Так, согласно распространенному убеждению, у депрессивных больных враждебность направлена в первую очередь на себя, что выражается в идеях самообвинения, самоуничижения (Mayo, 1967; Blackburn, 1974; Biaggio, Godwin, 1987).

Многие исследователи отмечают, что существует взаимосвязь между враждебностью и тревожно-фобическими расстройствами. Так, показатели враждебности значимо выше при тревожно-фобических расстройствах по сравнению с нормой (Fava G.A., Kellner R., Munari F., 1982; Fava G.A., Grandi S., Rafanelli C., 1993). Так, Fava и соавт. в своем исследовании показа-

ли, что высокая враждебность и раздражительность являются характерными симптомами панического расстройства с агорафобией и могут быть устранены посредством психотерапии. Как и в случае изучения враждебности при депрессии, в исследованиях тревожно-фобических расстройств возникает проблема направленности враждебности. По мнению М.С. Angermeyer (1981), для тревожных больных характерна интропунитивная враждебность преимущественно в форме чувства вины, и недостаток экстрапунитивных реакций, что сближает данную группу больных с депрессивными. Аналогичной точки зрения придерживаются М.Р. Dadds, L.R. Gaffney, J. Kenardy et al. (1993). Данные авторы показали, что враждебность, направленная на себя, не только является характерной чертой тревожных больных, но и позволяет проводить более тонкую диагностику внутри данной клинической группы. В проведенном Dadds и др. исследовании были обследованы три группы больных: с паническим расстройством, агорафобией и социофобией — и обнаружены значимые различия по интропунитивной враждебности. Авторы предлагают использовать данный показатель в качестве диагностического критерия тревожно-фобических расстройств.

Задачей дальнейших исследований проблемы враждебности, прежде всего взаимосвязи враждебности с психическими заболеваниями, должно стать также изучение возрастных различий во внутренней структуре, качественной специфике и формах проявления враждебности, что позволит расширить знания об онтогенезе враждебной картины мира и выявить патогенные факторы, обуславливающие ее формирование. Это является необходимым условием многостороннего изучения проблемы враждебности.

Проблема легитимизации агрессии в юридической психологии

С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский
Москва

Знание, понимание и соблюдение правовых норм является основой для построения правового государства. Результаты исследований представлений о праве в различных субъектах РФ свидетельствуют о правовой безграмотности, характеризующейся эклектикой правовых, моральных и традиционных норм. Сравнительный анализ особенностей правосознания у граждан России, Франции, США и других стран позволил выделить специфику, присущую нашей стране: правовой нигилизм; отношение к закону как к гаранту интересов власти имущих, а не отдельных граждан; недоверие и негативная оценка деятельности правоохранительных органов как института социального контроля; мотивация соблюдения закона носит аффективный и ситуативный характер; в реальной жизни люди руководствуются не законом, а субъективными представлениями о моральной норме (справедливость, добро и т.д.). Состояние современного общества наиболее точно может быть отражено в понятии «аномия». Наблюдается рост преступле-

ний не только со стороны стигматизированных криминальных субкультур, но и в среде «белых воротничков». Среди социально-политических, экономических и ряда других предпосылок для роста противозаконного поведения отдельного внимания заслуживает проблема легитимизации. В социальных науках под легитимизацией понимают процесс оправдания определенных форм поведения, в которых заинтересован индивид или группа, путем придания им общественно одобряемого статуса. В современной психологии изучение процесса легитимизации ведется в контексте проблемы роста агрессивных и насильственных преступлений. Речь идет о существовании в культуре источников легализованной агрессии, являющихся благодатной почвой для индивидуальной легитимизации агрессии. Агрессия легализована: в СМИ, выступающих мощным транслятором норм поведения в обществе; в качестве воспитательных мер у педагогов; должностными полномочиями у военных, сотрудников правоохранительных органов при исполнении (косвенно, в органах исполнительной власти); в спорте и традиционных ценностях (например, сексуальное принуждение в полоролевых отношениях). Социологами (Baron L., Straus M.A., 1987) была обнаружена положительная статистическая связь между коэффициентом легализованной агрессии в обществе и числом насильственных преступлений отдельных его членов. В антропологическом исследовании (Sanday P.R. 1982) прослеживается связь между традиционно легитимной (общественно одобряемой) агрессией и девиантным поведением (ритуалы как источник «крушения» барьеров к девиантному поведению). В психологических исследованиях (Huesmann L.R., Eron L.D., 1986; Hogben M., Вутте, 2001) было обнаружено, что объем индивидуально легитимизируемой агрессии в различных сферах культуры выступает прогностическим критерием по отношению к использованию агрессивных, насильственных мер в поведении (обнаружена последовательная связь между предрасположенностью к просмотру насилия по телевидению в возрасте 7—8 лет и числом насильственных преступлений в возрасте 22—25 лет). Впервые исследуя проблему легитимизации агрессии в отечественной психологии с опорой на опыт американских коллег, мы разработали опросник для измерения индивидуального уровня легитимизации агрессии в различных сферах культуры. По результатам наших исследований, лица, обнаружившие высокий уровень легитимизации агрессии, отличаются враждебностью, подозрительностью, директивностью, склонностью к проявлению агрессии в поведении; у мужчин наблюдается склонность к полоролевому традиционному стереотипу мужественности; невысокий уровень притязаний в отношении самосовершенствования; у мужчин диагностируется низкая чувствительность к общественному мнению, в случае критики в их адрес они проявляют безразличие, кроме того, характеризуются нетерпимостью к рутине, импульсивностью, склонностью к конфликтам и обидам, что свойственно лицам с эксплозивными и антисоциальными личностными расстройствами. Отдельного внимания заслуживают результаты сравнительного исследования обычных школьников

(55 человек) и девиантных подростков (47 человек, состоят на учете в детской комнате милиции) из специализированных школ Москвы. Как мы и предполагали, девиантные подростки отличаются от обычных школьников значительно более высоким ($p < 0,01$) уровнем легитимизации агрессии в различных сферах культуры и слабо развитыми представлениями о нормах поведения, принятых в обществе. В сравнительном анализе с нормой девиантные подростки обнаружили значительно худшие результаты ($p < 0,01$) по распознаванию речевой экспрессии в зависимости от ситуации общения; по пониманию невербальных реакций человека; в анализе ситуаций межличностного взаимодействия, их динамике; по предсказанию причин определенного поведения и его последствий; в знании норм и правил, регулирующих поведение в обществе. Описанные результаты прогнозируют неудовлетворительную адаптацию девиантных подростков к разного рода взаимоотношениям между людьми, свидетельствуют о слабой дифференцированности их «Я-концепции», недостаточно глубокой рефлексии, о безразличии к социальным проблемам и низком уровне эмпатии.

Изучение легитимизации агрессии в психологии позволяет диагностировать расхождения между индивидуально легитимизируемыми и легальными нормами поведения в отношении агрессии, которые выступают предпосылками для девиантных поступков. Методика оценки уровня легитимизируемой агрессии может выступать инструментом для косвенной оценки склонности к агрессии и насилью в поведении, снимая тем самым проблему социальной желательности, характерную для опросников — самоотчетов.

Личностные особенности женщин с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, совершивших агрессивные преступления

И.С. Козлов
Москва

Цель исследования состояла в определении роли индивидуально-психологических особенностей женщин с пограничными психическими аномалиями в психологических механизмах криминальной агрессии.

Объект исследования: женщины ($n = 81$), обвиняемые в совершении агрессивных правонарушений (убийство, причинение вреда здоровью), прошедшие комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу в стационаре ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Материал и методы исследования: Были выделены три экспериментальные группы. В группу 1 (23 человека с диагнозами «психически здорова» — 7 чел., «расстройство личности» — 4 чел., «органическое расстройство личности» — 7 чел., «органическое психическое расстройство» — 5 чел., средний возраст — $30 \pm 1,9$) вошли подэкспертные, склонные к непосредственной

реализации своих выраженных агрессивных побуждений (враждебной агрессии) как в относительно нейтральных, так и психотравмирующих ситуациях. Группу 2 (17 женщин с диагнозами «психически здорова» — 7 чел., «расстройство личности» — 1 чел., «органическое расстройство личности» — 5 чел., «органическое психическое расстройство» — 4 чел., средний возраст — $32,4 \pm 2,8$) образовали обвиняемые, совершившие агрессивные поступки под влиянием эмоционального возбуждения в ответ на психотравмирующие воздействия. Группу 3 (42 человека с диагнозами «психически здорова» — 27 чел., «расстройство личности» — 2 чел., «органическое расстройство личности» — 4 чел., «органическое психическое расстройство» — 8 чел., средний возраст — $33,8 \pm 2,8$) образовали подэкспертные, проявившие агрессию в виде разрядки эмоционального напряжения, накопленного в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Все обвиняемые обследованы Личностным опросником Кеттелла и Рисуночным тестом фрустрационной толерантности Розенцвейга. Подсчитывалась двусторонняя корреляция (t-критерий Стьюдента) между всеми факторами опросника Кеттелла и всеми параметрами теста Розенцвейга по всем трем группам. Данные анализировались с помощью метода корреляционных плесд ($p < 0.01$).

Результаты. В *группе 1* центральное место в структуре личности занимает эмоциональная неустойчивость, вокруг которой образовался комплекс индивидуально-психологических особенностей. Этот комплекс образовали следующие особенности: «чувство вины», «несформированность социальных норм», «напряженность», «эмоциональная холодность», «повышенная чувствительность к угрозе» и «озабоченность результатами своего поведения с чертами зависимости от окружающих и застреванием на индивидуально значимых переживаниях». Таким образом, обнаруживается отсутствие личностных структур, подавляющих агрессивность при высокой базовой агрессивности и эксплозивных чертах личности. В *группе 2* у обвиняемых основой личностной организации является «склонность к самостоятельному решению проблем», которая сочетается с «несформированностью социальных норм» и «защитным механизмом снижения значимости фрустрации», а «эмоциональная неустойчивость» — с «отсутствием напряженности». Эмоциональное возбуждение возникает только при значимых психотравмирующих воздействиях, но, возникнув, не отторгается. В *группе 3* выявлена более сложная личностная структура: «эмоциональная неустойчивость» и «напряженность» компенсируются «чувством вины», «робостью», «озабоченностью», «неумением самостоятельно решать конфликты», а также сочетанием «высокого интеллекта» и «опосредованности поведения».

Результаты подтверждают теоретическую модель криминальной агрессии (Сафуанов Ф.С., 2003), согласно которой в основе механизмов агрессии лежит как взаимодействие личности и ситуации, так и особенности взаимодействия личностных структур (часто обусловленных психическими аномалиями), играющих основную роль в формировании мотивации

правонарушений: высокого уровня агрессивности и развития личностных структур, выполняющих роль ингибиторов агрессивных побуждений.

Результаты исследования могут быть использованы при комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертной оценке агрессивных правонарушений у женщин. Враждебная агрессия как реализация собственных агрессивных побуждений и намерений предполагает полную сохранность осознанной произвольной регуляции противоправных действий (в группе 1—95% вменяемых). При агрессии в структуре эмоционального возбуждения возможны случаи ограничения способности к саморегуляции (в группе 2—21% ограниченно вменяемых). Агрессия как разрядка эмоционального напряжения в психотравмирующей ситуации предполагает экспертную оценку эмоционального состояния подэкспертных как кумулятивного аффекта (в группе 3—27%).

Исследование мотивационной тенденции к агрессии у несовершеннолетних правонарушителей

О.Г. Кравцов
Москва

Рост преступности, в частности среди молодежи и несовершеннолетних, является крайне актуальной проблемой для современного общества. Эта проблема имеет междисциплинарный характер, в рамках психологического подхода ее анализ связан с проблемой изучения агрессии. Именно агрессивное поведение является почти универсальной характеристикой противоправных действий. Многие исследователи поведения современных несовершеннолетних правонарушителей констатируют у них высокий уровень внешних проявлений агрессии. При этом подчеркивается повышение уровня неоправданного насилия среди молодежи. Это определяет низкий уровень социальной приспособленности и сложности социализации таких правонарушителей.

Нами проводилось исследование мотивационных тенденций к агрессии несовершеннолетних правонарушителей. Для этого использовался проективный «тест руки» Э. Вагнера (1961). В исследовании приняли участие 50 воспитанников Можайской колонии в возрасте от 15 до 19 лет. Для проверки полученных результатов обследовано две контрольные группы законопослушных подростков, не привлекавшихся к уголовной ответственности, общей численностью 70 человек. Под мотивационной тенденцией к агрессии мы, вслед за создателем теста, понимаем желание доминировать, наносить повреждение и захватывать, которое свидетельствует о повышенной готовности к внешним проявлениям агрессии и нежеланию сотрудничать.

Как показали результаты нашего исследования, мотивационная тенденция к агрессии у несовершеннолетних правонарушителей такая же как и у учащихся массовых московских школ. Таким образом, высокий уровень деструктивной агрессии, проявляемой несовершеннолетними правонарушителями, не продиктован их внутренним мотивацией, а связан с другими

факторами. Более того, по уровню выраженности стремления к взаимодействию и сотрудничеству, который в тесте отражается в параметре коммуникации, также не было обнаружено никаких отличий между выборками. Этот параметр противоположен мотивационной тенденции к агрессии и связан с социальными механизмами ее сдерживания. Несовершеннолетние правонарушители, таким образом, обладают такой же силой социальных механизмов сдерживания агрессии, как и обычные подростки.

Результаты исследования показали отрицательную корреляцию между мотивационными тенденциями к агрессии правонарушителей и параметром безличности. Показатель безличности в «тесте руки» свидетельствует о наличии у субъекта тенденции к активности, не предполагающей межличностного взаимодействия, в том числе и агрессивного. По своему смыслу этот показатель теста противостоит как параметру агрессивности, так и параметру коммуникативности. Испытуемый, показывающий высокий балл по данной шкале, по каким-то причинам не стремится взаимодействовать с другими людьми.

Полученная отрицательная корреляция говорит о том, что чем меньше правонарушители стремятся взаимодействовать с другими людьми, тем слабее сила мотивационной тенденции к агрессии, и наоборот. Другими словами, ситуация взаимодействия с другим человеком вызывает у правонарушителя реакцию агрессии. Этому может быть два объяснения. Во-первых, в силу многих причин правонарушители, вероятно, приписывают социальному миру опасность. И тогда агрессия является реакцией защиты. Во-вторых, подробная реакция может быть продиктована теми усвоенными на ранних этапах онтогенеза способами взаимодействия с другими людьми, которые наиболее распространены в среде, где жил ребенок. Иначе говоря, он просто по-другому не умеет взаимодействовать.

Результаты исследования контрольных групп выявили связь между предметной деятельностью и мотивационной тенденцией к агрессии. Эта связь некоторым образом находит свое отражение в особенностях подростков, у которых социальное взаимодействие опосредовано соответствующей молодежной субкультурой. Наличие определенных культурных маркеров, выраженных часто в предметном мире (аксессуары, стиль одежды и т.д.), детерминирует у них мотивационные тенденции к агрессии.

Несовершеннолетние правонарушители подобную связь не показали. Напротив, результаты исследования свидетельствуют о крайне бедной предметной деятельности этих подростков. Это, с одной стороны, не дает им тех культурных средств для контролирования собственной агрессии, которые есть у обычных подростков. С другой стороны, имеющаяся у них агрессивная тенденция ничем не уравновешена. Иначе говоря, у правонарушителя выявляется крайне ограниченный арсенал социально приемлемых способов взаимодействия и проявления активности.

Главный практический вывод этой работы заключается в том, что один из принципов воспитания несовершеннолетних правонарушителей должен

быть связан не со снижением и подавлением агрессии как таковой, но с обучением их определенным средствам совладания с ней. При этом необходимо учитывать, что такие подростки испытывают определенные затруднения при взаимодействии с другими людьми и, возможно, работа с ними должна идти в сторону развития у них альтернативных способов проявления активности.

Сравнительная характеристика женщин с различным объектом криминальной агрессии

С.Л. Макаренко, Л.М. Миннетдинова
Казань

Среди жертв криминальной агрессии женщин выявилась такая закономерность, что среди них практически отсутствуют посторонние лица. Нами выполнено сопоставление социально-демографических показателей и психологических предпосылок тяжелой криминальной агрессии женщин в отношении новорожденных детей и детей других возрастов по данным судебно-психиатрических экспертиз. Женщин, совершивших убийства новорожденных, было 16 человек, женщин, совершивших убийства своих детей другого возраста, — 24 человека.

Женщины, совершившие убийства новорожденных, относятся первую очередь к детородному возрасту, Среди них не оказалось, как могло быть предполагасмо, лиц более раннего возраста — 15—17 лет. В семейном отношении преимущественно не устроены: не замужем — 56,2%, разведены — 6,3%. 50% женщин не имеют детей. Жилищная проблема для них не является распространенной. Сведения о родительских семьях и воспитании указывают на единичные случаи отсутствия родителей (12,5%), а при их наличии на неблагоприятные отношения в семье (18,8%). В родительских семьях этих женщин в основном было трое и более детей (50%).

Среди факторов социального неблагополучия единственно вычленимым оказалось тяжелое материальное положение (68,8%), в отдельных случаях конфликтные отношения в семье (12,5%). Среди данной группы женщин не отмечается влияния антисоциального окружения, систематического употребления алкоголя, а также делинквентности, 100% женщин совершили деликт впервые. Психотравмирующие факторы отмечены в преобладающем числе случаев и по степени выраженности составляют: острая — 12,5%, подострая — 31,2%, хроническая — 18,8%. Таким образом, социально-демографические характеристики группы женщин, совершивших неонатид, заключаются в ожидаемом молодом возрасте, незанятости трудом, в основном они из многодетных родительских семей неблагополучного функционирования, преимущественно не замужем, женщины, в равной степени впервые родившие и имеющие детей, не ведущие антисоциальный образ жизни и не злоупо-

требляющие алкоголем, преимущественно устроенные в жилищном отношении, но испытывающие материальную нужду.

Женщины, совершившие убийство своих детей разного возраста, относятся в основном к молодому (20—29 лет — 38,5%) и более взрослому возрасту, включая старческий (70 лет и более — 19,2%). По своему социально-трудовому положению женщины распределяются следующим образом: работающие — 50%, не работающие — 20%, пенсионеры — 20%. Половина данной группы женщин состоит в браке (46,2%) и сожительства (15,4%), часть в разводе (3,8%) и не замужем (19,2%). Превалирующая часть женщин имеют по одному ребенку (38,8%), по двое (42,3%), а также по три и более детей (19,2%).

Большинство женщин данной группы, в отличие от предыдущей группы женщин, проживают в городе (66,7%). В данной группе как в группе убийств новорожденных, женщины проживают в квартирах и домах (54,2%), с родителями и родственниками (33,3%). Однако в данной группе женщины имеют такие, которые не имеют определенного места жительства (12,5%), что приносит социально обусловленный фактор в данный вид деликта. В качестве собственно социальных факторов выступают в большей степени тяжелое материальное положение (33,3%) и неблагоприятные жилищные условия (8,8%). Алкоголизация женщин данной группы имеет место в 54% случаев. Так же как в предыдущей группе женщин, делинквентность не является характерной, а именно 87,5% женщин совершили деликт впервые, но в единичных случаях повторно (8,3%) или несколько раз (4,2%).

В родительских семьях женщин данной группы конфликтные отношения отмечены в 8,3% случаев и неблагоприятные условия воспитания в 16,7% случаев, а отсутствие родительской семьи у 8,3% женщин. Так же как в предыдущей группе женщин, более половины женщин данной группы из многодетных семей (58,4%).

К психологически обусловленным факторам деструктивных действий женщин в отношении своих детей в 33,3% случаях относятся конфликтные отношения в семье, лишь в отдельных случаях (4,3%) отмечены проблемы на работе, а также отсутствие проблем (12,5%). Причем в отличие от предыдущей группы в большем проценте случаев отмечена хронизация психотравмирующей ситуации (29%), подострая и острая психотравмы составляют по 16,7%. В преобладающем числе случаев деликт в отношении детей совершен женщинами вне состояния алкогольного опьянения (75%).

Приведенные данные могут быть подытожены следующим образом: женщины, совершившие тяжкий деликт в отношении своих детей, относятся к разным возрастным группам, не имеют антисоциальных тенденций и делинквентности, ведут семейный образ жизни, но дезадаптированы в психологическом плане, с внутрисемейными конфликтами и материальной необеспеченностью, с предпосылками семейной дезадаптации, исходящими из родительских многодетных семей и чаще городского проживания.

Правовые и психологические проблемы борьбы с экстремизмом

Н. В. Михлина

Москва

В настоящее время особенно злободневна проблема, связанная с проявлениями национальной нетерпимости, дискриминации, преследований представителей тех или иных национальностей и конфессий.

Причиной для распространения экстремизма являются политическая нестабильность, социальные проблемы, снижение уровня жизни. Увеличение числа легальных и нелегальных эмигрантов вызывает у значительной части населения напряженность и готовность начать активную борьбу с инородцами. В таких условиях энтузиазм может вызвать любая пропаганда, обещающая исправить положение и наказать виновного. Любой провокационный призыв, особенно если он исходит от авторитетного лица, может послужить сигналом для развязывания конфликта на социальной, национальной или религиозной почве.

Серьезная роль принадлежит средствам массовой информации, которые, отражая реальные события, способствуют формированию того или иного мнения у читателей. Зачастую при освещении проблем допускаются неэтичные, а порой открыто враждебные высказывания.

Задача правоохранительных органов — предупредить возможное неконтролируемое развитие обстановки, способное породить острые и болезненные социальные конфликты, сделать все возможное для недопущения противоправных насильственных антиконституционных действий.

В последнее время законодателем разработан ряд нормативно-правовых актов, направленных против разжигания межнациональной ненависти и вражды. Между тем законы в основном являются декларативными, и на практике становится очевидной невозможность их применения.

Не принимается должных мер к профилактике и предупреждению правонарушений экстремистской направленности. Ксенофобские высказывания представителей государственной власти, политиков и общественных деятелей не получают должной политической и правовой оценки со стороны государства, а зачастую являются их пиар-программой.

Представителями правоохранительных органов порой недооценивается опасность пропаганды человеконенавистнических экстремистских взглядов и призывов. Следственные органы осознанно препятствуют регистрации преступлений, возбуждению и расследованию уголовных дел по разжиганию ненависти и вражды, ограничившись в лучшем случае переквалификацией на менее тяжкие составы Уголовного кодекса. Такая позиция «правоохранителей» способствует высокой латентности данного вида преступлений.

Основанием для принятия органами безопасности необходимых мер, предупреждающих опасное развитие ситуации, может быть: 1) выявление такого поведения конкретных лиц, которое хотя и является допустимым, но име-

ет тенденцию перерастания в противоправное; 2) обнаружение причин, порождающих насильственные антиконституционные действия и терроризм, или обстоятельств, благоприятствующих их совершению. Было бы весьма полезным, как представляется, закрепить это положение законодательно, более подробно сформулировав алгоритм определения оснований предупредительно-профилактического реагирования правоохранительных органов и спецслужб России в соответствующих подзаконных ведомственных актах.

Возникают серьезные трудности и при расследовании дел названной категории, что связано с отсутствием наработанной практики, а зачастую и с недооценкой общественной опасности пропаганды человеконенавистнических экстремистских взглядов и призывов.

Проблемы борьбы с экстремизмом не сводятся лишь к правовому аспекту и не укладываются в рамки уголовного, административного и гражданского законодательства. Здесь необходимо применение специальных познаний в области психологии.

Следует обратить внимание на исследование психологических особенностей лиц, являющихся членами экстремистских группировок, изучение особенностей вовлечения в экстремистскую деятельность.

Экстремизм опасен для государства и общества, поэтому органы власти, борясь с экстремистскими течениями, не борются со своими политическим оппонентами, а обеспечивают, охраняют и защищают права личности, личное и национальное достоинство, единство страны и гражданского мира.

Изучение центральных «Я-функций» у лиц с различными паттернами криминального поведения

Т.Г. Смирнова, В.В. Бочаров
Санкт-Петербург

Описание и типологизация личностных особенностей лиц, совершивших криминальные деяния, актуальны по-прежнему, несмотря на значительное количество исследований, посвященных этой междисциплинарной области. Анализ литературных источников свидетельствует о том, что разными авторами предпринимались попытки систематизировать многообразие индивидуальных особенностей лиц с криминальным поведением исходя из различных оснований (например, конституциональных и темпераментных характеристик, стиля воспитания, характера семейных отношений и т.д.). В том числе дискутировался вопрос о существовании специфичности личностных особенностей, обуславливающих отдельные виды криминального поведения. Целью настоящей работы являлось сравнительное изучение особенностей лиц, совершивших агрессивные деяния против личности (убийства и тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего) и имущественные преступления (кражи).

Объект исследования составили лица мужского пола, привлекаемые к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 105, ст. 111, ч. 4 УК РФ (115 чел.) и ст. 158 УК РФ (79 чел.). Исследование проводилось в период пребывания испытуемых в стационарном стражном судебно-психиатрическом отделении ГПБ № 6 СПб. Из числа испытуемых было сформировано 4 группы: «убийцы», «воры», «вменяемые», «невменяемые». В качестве инструмента исследования использовалась Методика оценки психического здоровья (МОПЗ). Для контроля тестовой установки испытуемых использовались показатели оценочных шкал ММРІ. МОПЗ представляет собой диагностическую систему, основание которой составляют шкалы «Я-структурного теста Аммона», позволяющие оценить каждую из 6 «Я-функций» (агрессия, тревога-страх, внешнее «Я-отграничение», внутреннее «Я-отграничение», нарциссизм, сексуальность). Следующий уровень оценок МОПЗ включает интегральные шкалы конструктивности, деструктивности и дефицитарности внутриспсихических тенденций (А, В, С). Вершиной диагностической системы являются обобщенные индексы (α и β), с помощью которых можно количественно определить уровень психического здоровья, который авторами МОПЗ понимается как уровеньный баланс адаптационно-деструктивных тенденций, позволяющих личности в максимальной степени реализовать имеющийся психический потенциал. Индекс α представляет собой разность конструктивных и деструктивных тенденций и фактически отражает уровень психопатологической стигматизации. Индекс β — это разность конструктивных и дефицитарных составляющих, позволяющий констатировать степень реализации личностью имеющегося психического потенциала. Результаты исследования показали наличие статистически значимой разницы в показателях индексов α и β в группах «убийцы», разделенных по признаку «вменяемость-невменяемость» (признак установлен в процессе работы экспертной судебно-психиатрической комиссии). Такие результаты индексов α и β свидетельствуют о значительно худших показателях психического благополучия в группе невменяемых убийц. Среди интегральных шкал МОПЗ вменяемые и невменяемые убийцы различались лишь по интегральной шкале конструктивности А ($p < 0,01$). На нижнем уровне диагностической системы были обнаружены различия по конструктивным шкалам агрессии, «Я-отграничения» и сексуальности ($p < 0,01$). Различия между вменяемыми и невменяемыми «ворами» оказались не столь очевидными. Единственно достоверное различие по t-критерию Стьюдента было получено по шкале деструктивного нарциссизма. Сопоставление криминальных групп по составу преступления не выявило значимых различий как в группе вменяемых, так и в группе невменяемых, т.е. подэкспертные, совершившие гомицидные действия и признанные невменяемыми, не отличались ни по одному из 23 показателей МОПЗ от невменяемых воров. Аналогичная картина наблюдалась при сопоставлении вменяемых убийц и вменяемых воров. Результаты ММРІ указывают на то, что все 4 группы

испытуемых характеризовались примерно одинаковыми показателями по оценочным шкалам F, K. При этом конфигурация оценочных шкал свидетельствовала о стремлении испытуемых к чрезмерной демонстрации в условиях прохождения СПЭ имеющихся психологических проблем, эмоциональных затруднений и личностных акцентов. Полученные при исследовании результаты позволяют сформулировать следующие предварительные заключения. Во-первых, не удалось выявить специфичных для разного рода преступлений личностных констелляций, т.е. можно предполагать значительное сходство интрапсихических особенностей лиц, совершивших гомицидные действия и кражи, и существование у них общекриминального личностного паттерна. В данных группах не выявлено специфических конфигураций шкал и практически отсутствуют различия как в первичных показателях «Я-функций», так и в интегративных показателях А, В, С. Во-вторых, МОПЗ оказалась эффективным средством диагностики уровня психического неблагополучия даже в условиях экспертной практики. Далее, среди диагностических показателей МОПЗ, важных для оценки параметра «вменяемость-невменяемость», наибольшее значение имеют индикаторы конструктивности, в то время как деструктивные и дефицитарные показатели, ввиду выраженных мотивационных установок испытуемых в период производства СПЭ, оказываются менее эффективными.

Целостный подход к экспертному исследованию агрессивности обвиняемых

С.С. Шипшин
Ростов-на-Дону

Изучение ведущих устойчивых свойств личности является одной из центральных задач, решаемых при производстве судебно-психологической экспертизы в отношении обвиняемых в совершении тяжких преступлений. При этом свойства рассматриваются в их единстве и целостности, взаимной обусловленности, что позволяет понять механизм преступного поведения конкретного человека в определенной юридически значимой ситуации. Характерно, что эксперт для решения конкретных задач, поставленных ему следствием или судом, использует знания, накопленные базовой наукой (в данном случае — различными отраслями психологии), а также уже существующие методы экспериментально-психологического исследования, адекватные этим задачам. В то же время эксперт, постоянно анализируя базы данных, может уточнять научные представления о юридически значимых свойствах преступников, модифицировать имеющиеся и разрабатывать новые методы психологических исследований специально для нужд судебной экспертизы.

В данном сообщении хотелось бы остановиться на исследовании агрессивности обвиняемых в совершении умышленных убийств и причинении

тяжкого вреда здоровью. Необходимо отметить, что в практике Южного РЦСЭ чаще встречаются экспертизы в отношении людей, совершивших «аффективные» или случайные убийства (что в целом отражает картину преступности). Однако эту категорию в нашем исследовании мы не учитывали. Нас интересовали только те подэкспертные, кто не проявлял признаков аффекта или иного эмоционального состояния, близкого к нему по своему содержанию, кто отчетливо проявлял умысел на убийство и реализовывал его. К их числу относились 312 человек.

В качестве методов исследования был использован стандартный набор психодиагностических методов, применяемый в практике производства судебно-психологических экспертиз в Южном РЦСЭ. Нас интересовали данные индивидуально-типологического опросника (ИТО) Л. Собчик и фрустрационного теста Розенцвейга. Необходимо отметить, что ИТО Л. Собчик является относительно «компактным и элегантным методом», базирующимся на авторской концепции индивидуальных тенденций. Он значимо коррелирует с такими методами, как ММРІ, опросник Шмишека, NAKEMR-90 Ю. Куля, опросником конструктивного мышления С. Эпштейна, что определяет его высокую диагностическую ценность в экспертных исследованиях. Фрустрационный тест Розенцвейга позволяет выявлять агрессивные тенденции в поведении испытуемых в ситуации конфликта, обусловленного фрустрацией потребностей, а также степень социальной адаптации.

Реализуя личностный подход к исследованию испытуемых, мы интересовались вопросом о «внутренней» детерминации агрессивного поведения индивидуально-типологическими особенностями человека. В качестве показателей агрессивности личности рассматривались преобладание экстрапунитивных реакций (Е), самозащитный тип реакций (Е-D), индексы Раухфлиша: направленности агрессии (Е/І) и трансформации агрессии (Е/с). Была выявлена корреляция между этими параметрами и факторами ИТО Л. Собчик: например, такие особенности, как агрессивность, спонтанность, ригидность, положительно коррелируют с Е, Е-D, Е/І и Е/с (чего нельзя сказать о сензитивности, экстраверсии и ряде других факторов).

Сравнение результатов фрустрационного теста Розенцвейга по группе лиц, совершивших убийства, и законопослушных граждан показало преобладание у первых экстрапунитивных реакций и реакций Е-D-типа, низкий уровень способности трансформировать агрессивные импульсы в социально приемлемом направлении, снижение GCR (45,5). У законопослушных значимо преобладали реакции N-P-типа, отмечалась высокоразвитая способность трансформировать агрессию, высокий GCR (64,3), что свидетельствует о достаточной свободе личности от фрустрирующих ситуаций, и о гибкости мышления.

Исследование подтвердило правильность целостного и личностного подходов к экспертному изучению личности и отдельных свойств (в частности, агрессивности) человека, совершившего умышленное убийство.

**СУДЕБНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Проблема экспертной оценки смысловой направленности
невербальных компонентов коммуникации,
ставших предметом судебных разбирательств

М.С. Андрианов
Москва

В судебной практике современной России экспертный анализ смысловой направленности различных текстов, транслируемых средствами массовой информации, получил широкое распространение. Понятие судебной психолингвистической экспертизы стало общепринятым, хотя и не упоминается в основополагающих юридических документах, а судебные процессы, которые инициируются теми или иными публичными высказываниями в СМИ, довольно частое явление. И хотя специалисты сегодня еще ведут дискуссии о том, кто и каким образом должен проводить психолингвистическую экспертизу, но ее предметная область, объект исследования, методы анализа уже более-менее согласованы. Однако есть один важный аспект современных масс-медиа, который с точки зрения правовой оценки все еще представляет собой «белое пятно». Имеется в виду широкое использование в СМИ невербальных коммуникативных компонентов (или паралингвистических средств), т.е. различного иллюстративного материала, который в последнее время в России все чаще становится предметом юридических споров, в то время как специальная литература по этой проблематике практически отсутствует.

Сложившаяся в течение 90-х годов практика, когда большинство претензий к СМИ было связано с вербальной составляющей некоторых сообщений, привела к тому, что ведущие печатные издания уже достаточно редко допускают грубые нарушения и злоупотребления свободой слова. Но при этом они стали гораздо чаще прибегать к более тонким, завуалированным методам, привлекая внимание читателей и возбуждая общественное мнение специально подобранными изображениями, например некоторых социальных событий или отдельных публичных персон, т.е. используя невербальные средства коммуникации. В качестве таких средств выступают любые иллюстрации — «картинки» (рисунки, карикатуры, шаржи, фотографии, коллажи, постеры, плакаты, знаковые и символические изображения и т.п.). Преимущество их использования состоит в том, что *изображения* служат универсальным языком, общедоступным для понимания и легким для усвоения, и содержат более широкие возможности интерпретации по сравнению с вербальными средствами. Таким образом, иллюстрации в СМИ, а если рассматривать шире — любые произведения изобразительного искусства, являясь актом творческого самовыражения, вместе с тем рассчитаны на смысловое восприятие их другими людьми, т.е. содержат в себе определенное коммуникативное «сообщение». При этом авторы различных иллюстрации

и их публикаторы небезосновательно полагают, что такого рода «сообщения» в силу своей многозначности, поликодовости и, следовательно, слабой доказуемости какого-либо умысла и нарушений Закона о СМИ и уж тем более Гражданского и Уголовного кодексов РФ, в принципе, не могут быть оспорены в суде.

Однако российская судебная практика показывает, что это не совсем так. Пока случаи судебных разбирательств по этому поводу довольно редки, но судебные постановления при этом подчас выглядят весьма неожиданными. Так, например, если уголовное дело по заявлению председателя Госсовета Удмуртии А. Волкова, посчитавшего оскорбительным карикатуру-коллаж на себя в местной газете «Золотая провинция», в конечном итоге было прекращено, то исковые требования в рамках гражданского процесса губернатора Приморского края Е. Наздратенко к газете «Приморье» по поводу шаржа на себя суд удовлетворил. Отличительной чертой этих разбирательств было то, что изобразительные материалы рассматривались в отрыве от сопровождавших их текстов публикаций. В то время как специалистами давно доказано, что невербальные компоненты коммуникации (паралингвистические составляющие креолизованных текстов) обязательно нужно рассматривать в единстве с сопутствующими им вербальными сообщениями.

Новым прецедентом в российской судебной практике можно считать и недавний обвинительный приговор в отношении организаторов скандальной художественной выставки «Осторожно, религия!». Расследование этого уголовного дела показало, что нельзя полностью игнорировать смысл того или иного изображения, другой вопрос, как правильно их интерпретировать и анализировать, в том числе с точки зрения доказательности определенного умысла. Таким образом, с одной стороны, видимо, можно прогнозировать нарастание числа судебных конфликтов по поводу разного рода изображений и иллюстраций, а с другой — можно констатировать, что сегодня практически отсутствуют четкие критерии их адекватного анализа.

Можно предложить в самом общем виде примерно такой подход к решению проблемы. Практика необоснованного юридического преследования журналистов и художников за включение в текст публикаций «обидных» (спорных) невербальных коммуникативных средств должна быть сведена к минимуму. Чаше всего ненадлежащее использование таких компонентов публикаций можно квалифицировать как нарушение профессиональных и морально-этических норм, которые, однако, регулируются не правом, а входят в сферу компетенции общественных объединений работников СМИ. В тех же случаях, когда невербальные компоненты коммуникации все же становятся предметом судебных разбирательств, правильнее всего обращаться к экспертам (лингвистам, психологам, искусствоведам), что, например, уже прочно вошло в обиход при разборе дел о злоупотреблениях свободой слова.

К вопросу о психофизиологической экспертизе

Д.В. Бердников, Т.Н. Секераж
Москва

В последнее время все чаще можно слышать такое понятие, как психофизиологическая экспертиза. На наш взгляд, пришло время разобраться, что стоит за этим определением. Не затрагивая проблем так называемой гуманитарной психофизиологической экспертизы, следует сказать, что, по сути, за названием «судебная психофизиологическая экспертиза» (ПФЭ) скрывается опрос с использованием полиграфа (ОИП). Полиграфологи активно высказывают мнение о необходимости признания такой экспертизы как рода, приводя доводы, которые вызывают вопросы правового, методологического и общенаучного характера.

Если абстрагироваться от полиграфа (являющегося лишь методом исследования динамики эмоциональной напряженности), то становление ПФЭ по меньшей мере преждевременно. Деление экспертиз осуществляется по трехмерному основанию: предмет, объект, метод — и ни один из признаков, взятый в отдельности, не позволяет осуществить удовлетворительную дифференциацию. Если объект ПФЭ ясен (психическая деятельность человека), то с предметом все обстоит сложнее. Им могло бы стать установление психофизиологических особенностей субъекта. Именно могло бы стать. Предметом судебной экспертизы являются фактические данные, значимые для правосудия, установление которых требует применения специальных познаний. Трудно представить те уголовно-релевантные ситуации, в которых психофизиология человека будет иметь столь исключительное значение, что в учет не будут браться его социально детерминированные характеристики. Даже так называемая инскенерно-психофизиологическая экспертиза по существу и задачам является психологической. Более того, в рамках любого вида СПЭ обязательно исследуются психофизиологические особенности субъекта (особенности внимания, темперамента, эмоциональной саморегуляции и пр.). Однако знание этих характеристик не позволяет решать экспертные вопросы о юридически значимом поведении без учета влияния более высоких уровней психики и их взаимодействия с ситуацией. Применение психофизиологических методов и средств (в том числе аппаратных) исследования человека также не является достаточным основанием для выделения ПФЭ в отдельный род (вид). По применяемому методу ОИП, казалось бы, наиболее близок к ПФЭ. Однако и здесь есть свои подводные камни. При ОИП субъект воспринимает и оценивает предъявляемые стимулы и в соответствии с имеющимся опытом, актуальной мотивацией формирует ответ, т.е. протекает активная психическая деятельность, проявляющаяся в изменениях физиологических параметров. Психофизиология

здесь в том, что внешний стимул, запечатленный на нейронных структурах головного мозга и являющийся значимым в ситуации проверки, вызывает физиологическую реакцию, превышающую таковую на стимулы, не имеющие ситуационной значимости. В связи с этим задачей ОИП стало выяснение не психофизиологических особенностей как таковых, а установление на основе эмоциональной реактивности человека значимых для него стимулов, определяемых в соответствии с целью исследования. Этой целью, по мнению полиграфологов, является «детекция лжи» или «установление достоверности» показаний. Фактически же все сводится к суждению об установочном поведении лица, имеющего мотивацию искажения информации. Такой подход сводит задачу исследования к определению психологически значимых стимулов и установочного поведения. Если учесть, что предметом психофизиологии являются физиологические основы психической деятельности и поведения человека, то ОИП (а также ПФЭ на его основе) отнести непосредственно к психофизиологии можно, мягко говоря, с большой натяжкой. Анализ заключений по результатам ОИП и «психофизиологической экспертизы с применением полиграфа» позволяет обозначить две основные проблемы. Во-первых, это правовой предел. В результате такой «экспертизы» обычно устанавливается, какие именно деяния совершил субъект (продавал оружие или нет, душил или не душил и т.п.), даже если вывод подается в завуалированной форме («субъект осведомлен о том, что он душил, и т.п.»). Выход «эксперта» за пределы своей компетенции очевиден, в то время как правовой предел компетенции эксперта любой специальности установлен законом и даже отражен в инструкциях по применению полиграфа. Оценка же показаний с точки зрения их достоверности является исключительной прерогативой суда. Вторая проблема связана с научным пределом. Психофизиологические реакции не могут прямо свидетельствовать об осведомленности лица или о лжи. На сегодняшний день не найдены специфические признаки лжи и нет устройств, надежно их идентифицирующих. Именно в связи с отсутствием строгой научной обоснованности и недостаточной точностью данных результаты ОИП при проведении оперативно-розыскной деятельности имеют только *ориентирующее* значение и не являются доказательством. Это четко отражено во всех инструкциях по применению полиграфа (в том числе инструкциях ФСБ, МВД). Очевидно, что при этом выводы специалиста могут иметь только *вероятностный* характер. Категорично можно говорить лишь о том, что на определенные стимулы у опрашиваемого зафиксирована психофизиологическая реакция, а также установлены значимость и устойчивость такой реакции (в зависимости от ее канала). Существует еще целый ряд вопросов, в том числе о надежности и достоверности результатов, роли специалиста и прочих, обсуждение которых выходит за рамки настоящей статьи.

Применение психологических знаний в экспертном судебно-сексологическом исследовании

Н.В. Дворянчиков
Москва

Спектр экспертных задач, которые возможно решить с участием сексолога, достаточно широк в уголовном и гражданском праве. Это и вопросы экспертной оценки обвиняемых в сексуальных правонарушениях, экспертиза сексуальной зрелости, экспертиза потерпевших от сексуальных деликтов, экспертиза спорных половых состояний и т.д.

При экспертном исследовании в судебной сексологии возникает необходимость анализа структур, участвующих в регуляции сексуального поведения и отражающих степень его социализации и опосредованности.

Прежде всего, это особенности интериоризации полоролевых стереотипов, а также исследование способности понимать эмоциональное состояние другого человека, сопереживать ему, действовать в соответствии с потребностным состоянием другого человека.

Таким образом, можно выделить две основные предметные сферы психологического исследования в судебной сексологии:

1) специфические характеристики личности, имеющие отношение к сфере полового самосознания и включающие полоролевую идентичность; представления о стереотипах поведения и функциях, характеризующих мужчин или женщин в данном обществе и отношении к ним; представления о паттернах поведения индивида в соответствии с половозрастными стереотипами или коррелятами этих стереотипов; установки, ценности индивида в отношении стереотипного или коррелирующего с ним поведения того или иного пола; установки, ценности индивида в отношении представителя другого пола (особенности эмоционального восприятия), особенности интериоризированности половой роли;

2) особенности межличностного взаимодействия, социальные коммуникативные навыки, способность к установлению, поддержанию, выходу из контакта; способность к партнерским отношениям; способность к эмоциональному сопереживанию другому человеку, возможности прогноза поведения другого человека; особенности эмоционального межличностного восприятия; способы разрешения межличностных конфликтов.

Психологическое исследование сексуальной сферы позволяет объективировать и верифицировать данные сексологического исследования, а также раскрыть целый пласт психологических феноменов, имеющих отношение к психосексуальной сфере: личностных смыслов, отношений, установок.

Если традиционно в качестве предмета исследования эксперта-психолога выступают закономерности, особенности протекания и структуры психических процессов (Ф.С. Сафуанов, 2004), имеющих юридическое значение и влекущих определенные правовые последствия, то предметом психологического исследования в судебной сексологии является структу-

ра и динамика юридически значимых психических процессов/качеств/состояний в условиях взаимодействия со специфическими «информационными объектами», участвующими в регуляции сексуального поведения.

Таковыми «информационными объектами», релевантными сексуальной сфере, являются психологические структуры, регулирующие поведение человека в ситуациях сексуального взаимодействия.

Направленное психологическое исследование сексуальной сферы в судебной сексологии может проводиться наряду с традиционным патопсихологическим блоком и быть нацелено на решение следующих задач:

1) диагностических, в данном случае исследование позволяет выделить диагностически значимые симптомокомплексы для решения сексологических задач (уточнение степени сформированности структур полового самосознания, структуры сексуальных предпочтений, представлений о паттернах полоролевого поведения и т.д.);

2) регулятивных, в которые входит оценка регулятивного потенциала структур, участвующих в регуляции сексуального поведения. В данном случае предметом психологического исследования становятся юридически значимые психические процессы в условиях взаимодействия со специфическими «информационными объектами», ориентирующими поведение подэкспертного в сексуальной сфере (процессах выбора партнера, восприятия и понимания действий сексуального характера, степени произвольности сексуального поведения и т.д.).

Блок психологического исследования, нацеленный на изучение сексуальности, может быть применен наряду с традиционным патопсихологическим. Он расширяет возможности экспертного решения, ориентируя эксперта в психологических структурах, участвующих в регуляции сексуального поведения (Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В., 2001).

Таким образом, в рамках комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы перед психологом стоят специфические задачи как перед полноправным участником комплексной экспертизы. Он реализует свою компетенцию во всем объеме, но в ходе всего исследования естественным образом интегрирует данные направленного психологического исследования сексуальной сферы в совокупности с данными стандартного патопсихологического исследования. Вопросы перед психологом в данном случае апеллируют к оценке различных юридически значимых психических процессов/свойств/состояний.

Подобный исследовательский блок может быть использован при решении различных экспертных вопросов, дифференциально-диагностических задач, а также при исследовании регулятивного потенциала следующих юридически значимых психологических явлений: способности к восприятию, пониманию и актуализации (свидетели), способности к восприятию и пониманию или оказанию сопротивления (потерпевшие), способности к произвольной регуляции поведения (несовершеннолетние и взрослые обвиняемые), способности к социальной адаптации (лица со спорными половыми состояниями).

Теория и практика исследования феномена
«подавленных воспоминаний» в судебной психологии

В. Ф. Енгальчев
(Калуга, Россия),
Дж. Сьюэрд
(США)

Феномен «подавленных воспоминаний» связан с драматическими событиями в ранней биографии личности, которые в период получения психической травмы были вытеснены из сознания и вновь актуализированы только годы спустя. В основе понимания феномена «подавленных воспоминаний» лежит психоаналитическая концепция подавления. В соответствии с нею сознание защищает себя от боли травматического опыта, такого, например, как сексуальное насилие в детстве, путем «забывания» этих переживаний, поэтому перемещает их из сознательной сферы личности в неосознаваемую. Однако эти воспоминания не теряются, а продолжают влиять на жизнь человека через различные психосоматические заболевания и деструкцию личности. Некоторые психотерапевты считают, что человеку необходимо вспомнить эти события и адекватно отреагировать на них, чтобы иметь возможность жить дальше как нормальная личность.

Для восстановления «подавленных воспоминаний» применяются специальные психологические методики, в частности погружение в детство, толкование снов, управление образами, работа над дневником, интерпретация физиологических симптомов, анализ актуального поведения, психоаналитическая релаксация, техники гипнорепродукции и др. Но выявление фактов сексуального и физического насилия над несовершеннолетним неминуемо приводит к их использованию для идентификации и судебного преследования насильников. С 80-х годов прошлого века число судебных процессов, предметом которых стала подавленная психическая травма, полученная в детстве или подростковом возрасте, стало постоянно возрастать. Их пик пришелся на начало 90-х годов, а потом несколько стабилизировался. Большинство этих процессов состоялось в США; были аналогичные явления и в других странах.

Концепция подавленных воспоминаний базируется на предположении, что все эти воспоминания, даже если они были реконструированы с использованием наводящих вопросов, суггестии и активной помощи психотерапевтической группы, являются истинными. Однако экспериментальные исследования показали, что детализированные «воспоминания» о прошлом могут быть и внедрены в память значительного процента нормальных испытуемых.

Так, в серии экспериментов Loftus и Ketcham (1994) испытуемым вводилось ложное воспоминание о том, что они в детстве якобы заблудились во время прогулки по магазинам. В одном из таких экспериментов

каждому из 24 испытуемых предъявили по четыре коротких эпизода из их детства. Три из этих рассказов соответствовали прошлому и были правдой, а четвертый был составлен исследователями. Ложные события всегда касались потери родителями ребенка во время хождения по магазинам или другим публичным местам. После чтения этих рассказов испытуемых просили написать, что они помнят об этих событиях. Позже у них были взяты два интервью. В течение каждого из них у испытуемых выясняли подробности каждого из четырех событий. Оценивались также ясность и глубина воспоминаний.

Был восстановлен 61% настоящих событий. Но при этом каждый четвертый испытуемый «вспомнил» то, чего в действительности никогда не было. В основном испытуемые используют больше слов для описания ложных воспоминаний, и рейтинг их истинности ниже. Рейтинг доверия также ниже для ложных событий.

Hyman, Husband и Billings (1995) смогли ввести ложные воспоминания раннего детского опыта четверем из 20 испытуемых, являвшихся студентами колледжа. Исследователи сообщали студентам, что ложные события были будто бы основаны на рассказах их родителей, и затем проводили две беседы. Ложных событий было два: счастливое событие (день рождения в 5 лет с пиццей и клоуном) и раздражающее, стрессовое событие (ночной визит в госпиталь в 5 лет с подозрением на возможное заболевание). Из четырех студентов, вспомнивших эти события, двое вспомнили счастливое, двое — плохое.

Hyman, Husband и Billings повторили свой эксперимент, используя три различные ложные ситуации: опрокидывание чаши с пуншем на свадьбе, эвакуацию товара из бакалейной лавки после включения противопожарной системы, несрабатывание тормозов в машине при посадке. 13 из 51 студента колледжа вспомнили одно ложное событие к концу третьей беседы. Студенты, которые во время первой и второй бесед описывали ситуацию, относящуюся к делу (например, действительно были на свадьбе в различном возрасте), были более склонны создавать ложные воспоминания к третьей беседе.

В двух отдельных экспериментах Pezdek, Finger и Hodge (1997) проверяли гипотезы о том, что легче ввести в память правдоподобные (ложные) воспоминания, чем неправдоподобные. В одном эксперименте они пытались ввести два ложных религиозных события: иудейское и католическое. Среди 51 испытуемого были как иудеи, так и католики. 13 испытуемых припомнили по крайней мере одно ложное событие. Однако испытуемые-католики были более склонны вспомнить католическое ложное событие, испытуемые-иудеи — иудейское ложное событие.

Во втором эксперименте двадцати испытуемым были представлены два ложных события о членах их семей. Одно из ложных событий смотрелось как разумное и правдоподобное: потеряться на складе, в то время как другое смотрелось как неправдоподобное: вставка клизмы. Этот случай был выбран, потому что он приближен к опыту сексуального насилия. Трое из

испытываемых вспомнили ложное событие потери на складе. Однако никто не вспомнил постановки клизмы. Исследователи сделали вывод, что правдоподобное ложное событие легче ввести в память, чем неправдоподобное. Однако они предостерегают, что правдоподобность не обязательно соотносится с личным опытом.

Таким образом, феномен «подавленных воспоминаний» не имеет однозначной трактовки и до сих пор не признается всеми учеными безоговорочно. Возможность ввести ложное «воспоминание» в память испытуемого получила экспериментальное подтверждение. Для судебной психологии это означает необходимость дальнейшего совершенствования психодиагностического инструментария для производства судебно-психологической экспертизы, тщательного изучения процедуры, методов и условий получения определенных сведений от подэкспертного, чтобы снизить риск получения правдоподобной, но недостоверной информации.

Обобщение практики производства в СЭУ Минюста России судебной психологической экспертизы по фактам морального вреда

А.Н. Калинина
Москва

В рамках научно-исследовательской работы было проведено обобщение практики судебной психологической экспертизы (СПЭ) в системе учреждений Минюста России. Для анализа было получено 39 заключений и исследований (за период с 1995 по 2005 гг.) по делам о компенсации морального вреда (далее — МВ), из них: по уголовным делам — 5; по гражданским делам — 30; по заявлению физических лиц — 4. Исследование показало потребность судебно-следственной практики в СПЭ по фактам МВ.

Наиболее целесообразными, соответствующими предмету экспертизы данного подвида, а также часто пользующимися спросом можно считать следующие вопросы:

1. Имеются ли у подэкспертного индивидуально-психологические особенности (и если да, то какие), которые могли оказать влияние на интенсивность и глубину субъективного переживания потерпевшего?

2. Имеются ли у подэкспертного признаки неблагоприятных изменений в психической деятельности, связанные с действиями ответчика (обвиняемого), и если имеются, то в чем выражаются?

3. Состоят ли в причинной связи неблагоприятные психические (психологические) изменения подэкспертного с действиями ответчика (обвиняемого)?

4. В какой мере отразились действия и высказывания ответчика на основных показателях психического (психологического) состояния и деятельности подэкспертного?

Следует отметить, что встречающиеся в вопросах формулировки «неблагоприятные изменения в личности», «изменения в психическом состоянии», «изменения в поведении подэкспертного» необоснованно сужают область исследования эксперта. Вследствие причинения МВ у подэкспертного могут произойти изменения не только в поведении, не только в эмоциональном состоянии, изменения могут достигнуть личностного уровня. Поэтому не рекомендуется ограничивать область исследования эксперта вопросами об изменениях на определенных уровнях.

Некоторые вопросы уже подразумевают, что факт нанесения МВ установлен судом (например, «Имеется ли психологическая травма в результате причинения морального вреда?»). Если решение о причинении МВ в деле не содержится, то рекомендуется уточнить у суда, что он имеет в виду под словами «причинение морального вреда». Многие вопросы имеют юридический характер (например, «Был ли причинен истцу моральный вред в результате действий ответчика?»). Эти вопросы не относятся к компетенции психолога-эксперта. Формулировок «моральный вред», «нравственные страдания» в вопросах лучше избегать. Вопросы о размере компенсации МВ также не относятся к компетенции психолога-эксперта. Решать их вправе только суд.

В каждой СПЭ подэкспертным являлось лицо, претендующее на компенсацию МВ. Причиной обращения в суд за компенсацией МВ и назначения СПЭ в подавляющем большинстве случаев является причинение вреда здоровью, нанесение телесных повреждений. Гораздо реже проведение экспертизы требовалось по делам о совершении развратных и насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних; о нарушении прав потребителя; незаконном привлечении к уголовной ответственности и незаконном заключении под стражу.

Среди индивидуально-психологических особенностей, влияющих на глубину и интенсивность переживаний травмирующего события, эксперты выделяют (по степени убывания): чувствительность, тревожность, зависимость от окружающих, эмоциональную неустойчивость, застрепанность на негативных эмоциях, пассивную, пессимистическую позицию, присущее чувство вины, интроверсию, уязвимость самолюбия.

Эксперты для исследования в СПЭ по фактам МВ используют следующие понятия:

— индивидуально-психологические особенности, которые могли оказать влияние на интенсивность и глубину субъективного переживания претерпевшего МВ;

— неблагоприятные изменения: а) психические или психологические изменения, б) изменения в личности, в) изменения в психическом или психологическом состоянии, г) изменения в психическом статусе, д) изменения в поведении;

— степень влияния травмирующего события на основные показатели психического состояния и деятельности подэкспертного;

— причинно-следственная связь между исследуемым событием и неблагоприятными изменениями в психической деятельности подэкспертного.

Реже используются такие понятия, как психотравма, стресс, нанесенный урон ценностям, психическое и физическое здоровье, переживания, психическое состояние, способность правильно понимать значение травмы, нравственные страдания, меры реабилитации, МВ и его признаки, размер компенсации МВ, коэффициенты формулы А.М. Эрделевского.

Возможности использования когнитивного интервью при проведении судебно-психологической экспертизы

С.А. Карпушин
Калуга

Традиционно судебно-психологическая экспертиза (СПЭ), за исключением, пожалуй, посмертной, включает в себя четыре этапа (Коченов, 1980; Енгальчев, Шипшин, 1997): подготовительный, на котором предполагается изучение экспертом обстоятельств юридически значимых действий по материалам уголовного дела, а также в ходе беседы со следователем (дознавателем); этап психологического обследования, в течение которого проводятся необходимые процедуры с использованием батареи психодиагностических методов и методик СПЭ; беседа, с помощью которой уточняются полученные и приобретаются новые значимые для ответа на поставленные перед экспертом вопросы данные; написание заключения как официального документа, в котором экспертом фиксируются основные результаты СПЭ.

Одним из направлений повышения эффективности проведения СПЭ является оптимизация приемов и техник, применяемых на каждом из этапов экспертизы. Предмет нашего интереса относится к третьему этапу — беседе с подэкспертным. На фоне приобретающего все большую популярность среди исследователей в рамках психолого-юридической науки метода когнитивного интервью естественно увеличение к нему внимания и со стороны экспертов-практиков в сфере судебно-психологических исследований.

Модель когнитивного интервью, разработанная в 1992 г. американскими специалистами Р. Фишером и Э. Гейзельманом, основывается на получении достоверной личностной информации от потерпевших (свидетелей) о признаках внешности, поведении преступника и обстоятельствах содеянного им через систему приемов, заимствованных из арсенала когнитивной психологии (Образцов, Богомолова, 2003, с. 61). В числе таких

приемов, в частности, детализированная инструкция допрашиваемому, просьба рассказать об изучаемом событии в прямом и в обратном порядке, изменение перспективы ретроспекции (позиция стороннего наблюдателя событий) и т.д. (Davis et al., 2004, p. 38).

Исходя из характера решаемых с помощью когнитивного интервью задач, можно предположить, что его применение в рамках беседы с подэкспертным в процессе проведения СПЭ позволит, с одной стороны, активизировать процессы памяти, а следовательно, получить более яркие и подробные описания произошедших событий и поведения фигурантов, с другой стороны — контролировать объективность показаний подэкспертного в силу специфичности ряда техник когнитивного интервью (например, изложение событий в обратном порядке). Неопределенной пока остается лишь степень эффективности подобного нововведения при проведении экспертизы.

Анализ ролевого и межличностного взаимодействия в психолингвистической судебной экспертизе.

В.П. Кисляков
Волгоград

Психолингвистическая экспертиза назначается для исследования устной и письменной речи (мимических, пантомимических, вокалографических, графических и других признаков), помогает установить личностные качества, психические состояния и процессы, проявившиеся в речи, а также контекстуальные характеристики общения субъектов. Специфика психолингвистической судебной экспертизы заключается в ее комплексности, в направленности ее лингвистических и психологических результатов на повышение объективности и всесторонности решения юридически значимой проблемы.

В нашей психолингвистической судебно-экспертной практике к данному виду исследований прибегают при расследовании широкого круга уголовных дел: экономических преступлений (взятки и коммерческий подкуп, контрабанда и т.п.), преступлений против личности, преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (терроризм, бандитизм, незаконный оборот наркотиков и пр.), преступлений против правосудия (принуждение к даче показаний). Объектами исследования, как правило, являются аудио- и видеозаписи различных ситуаций общения — частные разговоры, официальные беседы (переговоры, опросы при проведении следственных действий, оперативных мероприятий).

При этом основным предметом анализа становятся лингвистические и паралингвистические параметры речи, что позволяет ответить на ряд вопросов следствия и суда. Наиболее часто на психолингвистическую экспертизу ставятся следующие вопросы:

- *Какие основные темы разговоров коммуникантов?*
- *Что является предметом и целью разговоров?*
- *Какова степень участия каждого из коммуникантов в разговорах?*
- *Имеются ли у кого-либо из участников разговоров побуждения к совершению каких-либо действий (бездействия) по отношению к другому участнику разговоров?*

— *Учитывая содержание разговоров, а также их лингвистические и паралингвистические параметры, можно ли оценивать высказывания данного участника разговоров как определенное намерение (с конкретизацией содержания намерения, например получить денежное вознаграждение за оказание услуги)?*

При проведении экспертиз видеозаписей следственных действий часто ставится вопрос:

- *Учитывая содержание общения коммуникантов, имеются ли психологические признаки скрываемых обстоятельств в показаниях допрашиваемого?*

Восприятие окружающего мира, специфичное для каждой личности и группы, находит отражение в речевой деятельности и фиксируется в языке в виде концептов, понятий, представлений и мнений, выражаемых в различного рода высказываниях-суждениях. Поскольку любое общение — это всегда взаимное воздействие, вербальное и невербальное, то одна из основных проблем состоит в выявлении механизмов его реализации в процессе коммуникации.

Речевое взаимодействие представляет собой постоянный процесс установления соответствия между интересами адресанта и адресата, интересами формирующейся общности, в ходе которого создается пространство речевой коммуникации, имеющее *вертикальные* (пристройка, доминирование, подчинение), *горизонтальные* (межличностная дистанция), *территориальные* и *временные измерения*, определяющие характер психологического коммуникативного контакта.

Для правильной квалификации значения исследуемых высказываний необходимо не только учитывать характер ролевого взаимодействия субъектов общения, но также анализировать особенности их межличностных, эмоциональных отношений. Воздействие, обусловленное ролевым статусом, как правило, выражается в сообщениях-высказываниях, имеющих характер информирования, предписания, подачи невербальных условных сигналов. Воздействие, осуществляемое на уровне межличностного взаимодействия, определяется сложившимися между коммуникантами эмоциональными отношениями, объясняется принятым стилем речевой деятельности и поведения в целом, неосознаваемой готовностью субъектов общения к определенным речевым и поведенческим реакциям.

Психолингвистическое экспертное исследование требует экспертной компетентности, с одной стороны, в анализе речи, а с другой — в анализе отношений, то есть компетентности в социально-психологических методах оценки ролевого и эмоционального общения. Нам представляется целесообразным проведение психолингвистической судебной экспертизы комиссионно — психолингвистом и психологом.

Об опыте проведения психолого-педагогических экспертиз в гражданском процессе психологами образовательных учреждений

Е.В. Климачева, С.Л. Шармина
Москва

Государственные образовательные учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи (ПМС-центры), в последние годы всё чаще сталкиваются с необходимостью проведения психолого-педагогических экспертиз несовершеннолетних, их родителей и родственников в связи с гражданскими судебными процессами.

За период с 1 января 2001 по 1 сентября 2005 г. по определению районных судов в Центре психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Исток» Восточного окружного управления образования Департамента образования г. Москвы было проведено 9 комплексных психолого-педагогических экспертиз. На этапе подготовки материалов к судебным слушаниям по запросу органов опеки и попечительства за этот период было проведено 17 комплексных психолого-педагогических обследований несовершеннолетних и их родственников.

Анализ запросов органов опеки и попечительства показал, что наиболее часто предметом спора являлся порядок общения с несовершеннолетним отдельно проживающего отца (9 запросов). Родители были уже разведены от 2 до 5 лет, проживали отдельно, не имели друг к другу каких-либо имущественных претензий. В большинстве случаев помимо недостаточной правовой грамотности можно было констатировать наличие неразрешенного межличностного конфликта, преодолеть который самостоятельно бывшие супруги не могли, а профессиональной психологической помощи никогда не получали. Психологическое обследование в этих случаях носило консультативно-диагностический характер, и только два дела были переданы в суд, так как в остальных случаях удалось достигнуть взаимного соглашения.

Споры о месте проживания несовершеннолетнего после развода родителей (5 по запросам органов опеки и попечительства и 9 по определению су-

да) в подавляющем большинстве случаев были связаны с имущественными и жилищными претензиями сторон. К сожалению, в пылу борьбы за квадратные метры жилплощади интересы ребенка часто отступают на второй план. Став объектом манипуляций со стороны родителей и ближайших родственников, ребенок находится под постоянным давлением конфликтующих сторон и получает тяжелую психологическую травму, которая может негативно отразиться на дальнейшем развитии и социальной адаптации.

Например, несовершеннолетняя В., 1997 г. р., была обследована педагогом-психологом Центра по определению районного суда. Уже более года родители девочки не могут решить вопрос о месте ее проживания. По инициативе матери все это время девочка проживает вместе с ней, бабушкой, дедушкой и дядей в однокомнатной квартире (!). Ранее семья жила в трехкомнатной квартире, где девочка прописана вместе с отцом (мать претендует на площадь в этой квартире). Контакты с отцом полностью прекращены (даже перевели девочку в новый детский сад, где попросили не допускать общения с отцом). Дома ребенок постоянно слышит, что это отец виноват в том, что они живут в такой тесноте, что он может ее украсть, что ему нельзя верить и т.д. При психологическом обследовании в апреле с.г. несовершеннолетняя В. достаточно легко вступила в контакт, поведение адекватно ситуации, каких-либо нарушений интеллекта не выявлено, но отмечены эмоциональная отчужденность (себя рисует только в одиночестве), повышенная общая и ситуативная тревожность. В экспериментальной ситуации не смогла самостоятельно организовать игровую деятельность. Проявления гипертимности в отношении подготовки к школе, музыкальным занятиям, посещению церкви (ходит туда с бабушкой) были нами расценены как «замещающая деятельность». Конфликтная ситуация не разрешена до настоящего времени. В сентябре девочка пошла в I класс общеобразовательной школы, и, несмотря на успешное освоение учебного материала, явно наметились признаки социальной дезадаптации — ребенок замкнут, напряжен, фон настроения снижен. Сама не стремится установить какие-либо контакты со сверстниками, держится особняком. Одноклассники, в свою очередь, также избегают общения с В., называют ее чокнутой. Информация была нами получена от педагогов школы, так как Центр активно сотрудничает с большинством образовательных учреждений округа. В школе организовано наблюдение за В., школьный психолог начал индивидуальную коррекционную работу.

Судебная психолого-педагогическая экспертиза в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних необходима в каждом гражданском процессе. Но не менее важно своевременно оказать психологическую помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и их родителям, не всегда осознающим разрушительные последствия семейных конфликтов для детской психики. Реализация этих задач вполне возможна на базе антикризисных отделов ПМС-центров при условии повышения квалификации психологов в области юридической психологии и экспертизы.

Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности ксенофобских материалов

М.В. Кроз, Н.А. Ратинова
Москва

В последние годы в России сложилась достаточно напряженная ситуация в области межнациональных и межконфессиональных отношений. В средствах массовой информации регулярно появляются острые материалы по проблемам межэтнических, межрелигиозных и социальных конфликтов. Зачастую при их освещении в масс-медиа допускаются злоупотребления свободой слова, противоправные высказывания. Такого рода материалы СМИ и публичные выступления, направленные на разжигание национальной, расовой, религиозной и социальной вражды и ненависти в обществе, содержат признаки состава преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ.

У правоприменителей, как правило, возникают значительные сложности при проведении доследственных проверок, предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел данной категории. Это обусловлено, в частности, тем, что доказательства по такого рода делам зачастую базируются лишь на материалах и выводах научных консультаций и судебных экспертиз, в которых анализируется смысловая направленность спорных материалов СМИ, публичных выступлений. Вместе с тем вплоть до последнего времени не было опубликовано серьезных научных работ, посвященных теории, методологии и методике проведения таких экспертиз. Ученые и практики высказывали различные точки зрения о том, какой должна быть подобная экспертиза по профилю, что является ее предметом, специалисты из какой области науки должны проводить подобные исследования, какие вопросы целесообразно ставить правоприменителям перед экспертами и др. Качество многих экспертиз, проведенных по материалам уголовных дел указанной категории, было крайне низким, они содержали серьезные методологические и методические ошибки.

В результате в значительном числе случаев уголовные дела либо не возбуждались из-за сомнительной судебной перспективы, либо разваливались на стадии судебного разбирательства из-за слабости доказательной базы. До вынесения обвинительных судебных приговоров «добирались» лишь единичные дела. Так, в 2002 г. по ст. 282 УК РФ были вынесены обвинительные приговоры в отношении всего лишь 4 человек, в 2003 г. — 8, в 2004 г. — 11.

Проблема оценки смысловой направленности спорных материалов СМИ, публичных выступлений изучалась учеными отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ в течение последних 15 лет. Основы предложенного подхода были заложены еще в начале 90-х гг. XX в. Ак-

тивное участие в разработке этой проблемы принимал и М.М. Коченов. Так, в архивах отдела сохранились первые психолингвистические экспертизы и внепроцессуальные научные консультации, которые Михаил Михайлович подготовил по запросам правоприменителей. Совместно с А.Р. Ратиновым и Л.П. Конышевой он разработал первые методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ¹, в которых описаны формы и методы использования психологических познаний по делам и материалам ксенофобской направленности. Эти рекомендации не только широко использовались на практике в органах прокуратуры, но и послужили научной базой для дальнейших научных и прикладных исследований в этой области.

К настоящему времени детально разработана методология и методика анализа подобных материалов в рамках судебной экспертизы, внепроцессуального консультирования правоприменителей — *психолингвистическая оценка смысловой направленности материалов СМИ, публичных выступлений*². В рамках данного подхода были определены:

- *объект, предмет и методы судебной психолингвистической экспертизы данного рода;*
- *общие критерии оценки спорных материалов, в качестве которых выступают признаки возбуждения национальной, расовой, религиозной и социальной вражды и ненависти;*
- *профессиональная компетенция специалистов, правомочных проводить судебные экспертизы данного рода, специфика анализа, формы взаимодействия представителей разных наук при производстве комплексных экспертиз;*
- *типовые вопросы, которые правоприменителям следует ставить перед экспертами;*
- *алгоритм производства экспертных исследований данного рода и подготовки итогового заключения;*
- *типичные ошибки, допускаемые при назначении и производстве судебных экспертиз данного рода;*
- *особенности исследования смысловой направленности спорных материалов, проводимого в рамках научного консультирования правоприменителей.*

¹ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия», № 7/4-1-1557/95 от 09.12.95.

² См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М.: «Юрлитинформ». 2005.

Особенности реагирования несовершеннолетних жертв сексуального насилия в ситуации фрустрации

И.Н. Мананникова, О.Ю. Голубев, С.А. Нахабедян
Ростов-на-Дону

Как известно, при расследовании дел о сексуальном насилии одним из важнейших вопросов, ставящихся на разрешение СПЭ, является вопрос о наличии у испытуемой (испытуемого) индивидуально-психологических особенностей, способных существенно повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации. В силу указанного обстоятельства представляется актуальным вопрос изучения типичных индивидуально-психологических особенностей потерпевших по фактам сексуального насилия.

Целью настоящего исследования являлось изучение наиболее типичных для детей и подростков — жертв сексуального насилия — форм реагирования в ситуациях фрустрации с помощью фрустрационного теста Розенцвейга.

Согласно выдвинутой гипотезе, в затруднительных и конфликтных ситуациях для потерпевших данной возрастной категории характерна повышенная склонность к интропунитивным реакциям при сниженных экстрапунитивных тенденциях, в частности низкие показатели экстрапунитивных необходимо-упорствующих реакций, т.е. отсутствие склонности обращаться за содействием и помощью к окружающим в подобных ситуациях.

Исследование было проведено на контингенте потерпевших по факту сексуального насилия (83 человека), обследованных экспертами ЮРЦ СЭ в течение нескольких последних лет. Исследовались две выборки: дети обоего пола от 10 до 14 лет включительно (37 человек) и от 15 до 18 лет включительно (46 человек).

Было установлено, что по обеим выборкам средние значения показателя количества реакций экстрапунитивной направленности снижены по сравнению со стандартными, составляя в выборке детей от 10 до 14 лет 39%, в выборке от 15 до 18 лет — 41% от общего количества реакций (при стандартных значениях 48,1%). Наряду с этим следует отметить, что и в той и в другой выборке отмечается повышение удельного веса интропунитивных реакций, причем в выборке детей от 10 до 14 лет этот показатель значительно выше (10—14 лет — 32,1%; 15—18 лет — 29,8% при стандартных значениях — 26,5%).

В ходе исследования также выявлено, что индекс направленности агрессии по Раухфляйшу (Е/1) в выборке от 15 до 18 лет находится в рамках диапазона «баланса агрессивности» (1, 5, при балансе 1, 3—3, 1). В выборке от 10 до 14 лет данный индекс ниже стандартного значения (1, 1), что свидетельствует о преимущественной направленности агрессии вовнутрь,

на себя. При этом индекс решения проблем (i/e) в обеих выборках превышает стандартные значения, причем в выборке детей от 10 до 14 лет эти значения наиболее высоки (10—14 лет — 2,84; 15—18 лет — 1,95, при стандартном значении — 0,6—1,7), что указывает на отсутствие стремления обращаться за помощью и содействием к окружающим в затруднительных и конфликтных ситуациях.

По типу реакций преобладают потребностно-настойчивые (от 10 до 14 лет: NP — 36,2%, OD — 33,7%, ED — 29,9%, соответственно NP > OD > ED; от 15 до 18 лет: NP — 34,1%, ED — 32%, OD — 31,7%, соответственно NP > ED > OD; при стандартных значениях NP — 28,7%, ED — 37,2%, OD — 33,6%), что, согласно П.В. Яньшину, может указывать на ригидность поведения в конфликтных и затруднительных ситуациях. Следует отметить, что удельный вес ED-реакций возрастает во второй выборке (от 15 до 18 лет).

Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу, свидетельствуя о том, что в ситуации фрустрации дети и подростки — жертвы сексуального насилия — с повышенной частотой реагируют в интропунитивной манере при сниженных (по сравнению со стандартными значениями) экстрапунитивных тенденциях. В частности, для них не характерны экстрапунитивные необходимо-упорствующие реакции, они не склонны обращаться за содействием и помощью к окружающим в затруднительных и конфликтных ситуациях, при этом они проявляют ригидность, пытаются разрешить ситуацию самостоятельно.

Так как стандартные значения, с которыми сопоставлялись данные, полученные в ходе настоящего исследования, отражают типичные формы реагирования в ситуациях фрустрации *взрослых* людей, то описанные выше результаты могут быть объяснены как *типологическими* особенностями, характерными для потерпевших *различных* возрастных категорий, так и *возрастным* фактором, психической и социальной незрелостью детей и подростков, их недостаточной адаптированностью по сравнению со взрослыми, зрелыми людьми либо сочетанием этих факторов.

Особенности работы с материалами уголовного дела как источником данных в рамках судебно-психологической экспертизы

А.А. Оселков
Калуга

Основной целью судебно-психологических экспертиз (СПЭ) является использование в судебно-следственном процессе специальных познаний в области психологии, что закономерно, учитывая, что субъектами и объектами правовых отношений являются люди. Для разрешения поставленных следствием или судом вопросов используется ряд особых методов. Условно их можно разделить на два больших блока: первый — непосредственная работа с испытуемым, в которую входит проведение беседы и психодиагностических методик; второй — опосредованное получение информации о подэкспертном и криминальной ситуации, где основным методом исследования является психологический анализ материалов уголовного дела (ПАМУД).

Здесь и далее под ПАМУД мы будем понимать специальный метод юридической психологии, цель которого — выявление существенных для дела психологических феноменов посредством аналитико-синтетической деятельности при изучении и обработке документов, включенных в состав конкретного уголовного дела.

Несмотря на относительную новизну, указанный метод имеет важное значение в работе судебных психологов-экспертов, так как профессиональное владение им позволяет решать специфические задачи, а также в целом облегчать производство других этапов данного вида исследований. С этим связано то, что многие специалисты, работающие в сфере юридической психологии, говорят о важности ПАМУД и даже называют его центральным методом СПЭ (В.Ф. Енгальчев, Л.П. Конышева, М.М. Коченов, Ф.С. Сафуанов, О.Д. Ситковская, С.С. Шилшин и др.). Во многих современных работах также кратко раскрывается содержание такого анализа (Поздняков, 1998, с. 13—14; Ситковская, Конышева, Коченов, 2000, с. 15—16).

Благодаря данному методу возможно получение *разносторонней и формализованной* информации о психологических характеристиках личности либо группы, об особенностях протекания эмоциональных состояний у индивида, о влиянии этих факторов на возможность понимать значение происходящих событий и управлять своими действиями. Изучение и систематизация биографических данных дают возможность собрать о человеке информацию, позволяющую обоснованно предполагать возможные реакции и варианты поведения подэкспертного в интересующей нас ситуации, и т.д.

Психологический анализ материалов уголовного дела помимо изучения индивидуально-личностных свойств личности также позволяет со-

ставить максимально объективное, насколько это возможно, мнение о событиях вообще: внешних и внутренних условиях, индивидуально-психологических особенностях участников инцидента и о многом другом. Все эти сведения не изолированы друг от друга, а, наоборот, находятся в очень тесной взаимосвязи, особенно с психологической точки зрения. Вместе они дают возможность получения наиболее адекватной информации, и поэтому их изучение и систематизация необходимы в судебно-психологической экспертизе.

Зачастую проведение стандартизованных методик может быть неэффективно или малоэффективно без опоры на уже готовые сведения, полученные именно в результате проведения ПАМУД. Существуют виды судебно-психологических экспертиз и исследований, в которых этот метод является единственным (например, посмертная СПЭ).

Анализ психолого-юридической литературы, а также опрос судебных психологов-экспертов показал, что в настоящее время формально прописанная схема проведения данного метода отсутствует, опора на материалы уголовного дела при проведении СПЭ минимальна, основная часть информации получается из результатов беседы и психодиагностических методик, что в целом понижает эффективность экспертизы и лишает экспертов многих возможностей.

В рамках Лаборатории судебно-психологических исследований г. Калуги было проведено исследование, в результате которого посредством корреляционно-статистического анализа было выявлено то, что ПАМУД дает столь же значимую, что и экспериментальная часть СПЭ, но при этом отличную от нее информацию. Доказано, что исследованный метод позволяет собирать достоверные данные в целях дачи заключения, которые служат веским дополнительным доказательством выводов эксперта. Одновременно с этим ПАМУД позволяет получить данные, не предоставляемые другими методами СПЭ либо предоставляемые ими в качестве иной форме.

Особенности экспертной психологической оценки маскированных пресуицидальных состояний у военнослужащих срочной службы

О.Ф. Савина, М.В. Морозова
Москва

Посмертная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза является одним из наиболее сложных видов экспертной деятельности, поскольку в качестве объекта исследования выступают лишь материалы уго-

ловного дела, ориентированного в целом на решение сугубо юридических вопросов, а также медицинская документация, содержащая, как правило, соматический анамнез. Экспертный анализ и выводы зачастую приходится осуществлять в условиях дефицита информации, ограниченности и противоречивости сведений о личности и особенностях динамики психологического состояния погибшего перед совершением суицида.

Такого рода экспертизы достаточно часто назначаются в отношении военнослужащих, поскольку точная квалификация пресуицидального состояния, побуждений субъекта, наличия или отсутствия взаимосвязи между самоубийством и действиями других лиц имеет правовые последствия как для родственников погибшего, так и для командования части, в которой произошел данный инцидент. Проведенное исследование позволило установить феномен маскированности происходящих психологических изменений у солдат срочной службы, что нередко вызывало отказ психолога от решения экспертных вопросов в связи с отсутствием достаточных данных. Качественный психологический анализ таких случаев дал возможность выделить один из типичных вариантов развития состояния, «предрасполагающего к совершению суицида», зависящего в основном от особенностей личности погибшего.

Данную группу составили лица, у которых, несмотря на ограниченные личностные ресурсы в привычной жизни, наблюдался невысокий, но в целом достаточный уровень социальной адаптации. Им наряду с личностной незрелостью были присущи крайне избирательная общительность с предпочтением социальных контактов в привычном окружении, неуверенность в себе, зависимость от других, потребность в поддержке, несамостоятельность, недостаточная сформированность навыков конструктивного решения проблем, сочетающиеся с аффективной ригидностью, консерватизмом установок, сложностями преодоления стереотипов, медлительностью и пассивностью. Они являлись ранимыми, внутренне уязвимыми, однако не раскрывали свои проблемы посторонним людям. Относительная адаптация этих индивидов определялась гиперопекой со стороны близких или отсутствием серьезных жизненных трудностей; нередко они являлись жителями небольших населенных пунктов, где их деятельность протекала в устоявшихся приемлемых для них условиях. Факт призыва на военную службу являлся для них выраженным фрустрирующим фактором, предъявляя повышенные требования к их личности — резкая смена стереотипов, трудности ориентации в непривычных обстоятельствах, необходимость выполнения новых обязанностей вхождения в большой коллектив со сложной внутренней иерархией и жесткой внешней регламентацией отношений. Такие военнослужащие, не вызывая особых нареканий в учебной части, после перевода на основное место службы отрицательно или формально характеризовались командованием, отторгались коллективом и не предпринимали усилий для преодоления межличностных проблем. Внешне малозамет-

ные, нередко вызывающие насмешки, они при чувствительности и обидчивости фиксировались на неудачах, остро переживали разлуку с близкими, отсутствие эмоциональной поддержки со стороны, однако не проявляли открыто своих чувств. Впоследствии в показаниях сослуживцы не могли описать личностные качества погибших (кроме замкнутости), а в связи с маскированностью их внутренних переживаний затруднялись ретроспективно проследить динамику состояния этих лиц, оценить степень воздействия на них замечаний и даже физического насилия. Подвергаясь неуставным отношениям, анализируемые субъекты проявляли пассивность, подчиняемость, внешнюю «эмоциональную тупость», не раскрывая меры своей действительной фрустрированности ситуацией; постоянное сдерживание внешнего отреагирования эмоций приводило к росту внутреннего напряжения.

Анализ психологического состояния затрудняло также то, что нередко в письмах домой рассматриваемые субъекты не делились своими переживаниями. Они стремились выглядеть успешными в глазах значимых для них лиц, сообщали ложную информацию о своей реализованности или давали формально положительную характеристику службы, что свидетельствовало о наличии неэффективных механизмов психологической защиты. На фоне постепенного истощения личностных ресурсов суицид обычно либо побуждался незначительными внешними причинами, либо происходил на пике внутренних отрицательно окрашенных переживаний с ощущением субъективной непереносимости положения. Он являлся аффективно обусловленным, без достаточного осмысления всех последствий такого поступка и отчетливого понимания его необратимости.

Таким образом, при формировании экспертных выводов наряду с конкретными фрустрирующими обстоятельствами необходимо учитывать присущие данным субъектам индивидуально-психологические особенности, отмечая наиболее уязвимые звенья в личностной структуре, выявлять и оценивать маскированную динамику их психологического состояния, специфику социальной адаптации до призыва и в процессе прохождения военной службы. Экспертное решение по таким случаям должно выноситься с учетом влияния комплекса внешних и внутренних факторов.

Психологические критерии судебно-экспертного определения аффекта

Ф.С. Сафуанов
Москва

Актуальность проблемы разработки унифицированных критериев судебно-психологической диагностики аффекта обусловлена прежде всего тем, что в новом УК РФ (1997) видоизменились квалифицирующие признаки преступлений, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (ст. 107 и 113).

Экспертологический анализ ст. 107 и 113 УК РФ показывает, что уголовно-релевантное понятие аффекта должно включать выраженные эмоциональные состояния и реакции, которые отличаются следующими признаками:

- 1) Внезапность возникновения.
- 2) Обусловленность психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего или длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего.
- 3) Резкое ограничение способности обвиняемого к осознанно-волевой регуляции своих криминальных действий на высоте развития эмоциональной реакции или состояния.

Психологический анализ этих признаков внезапно возникшего сильного душевного волнения как квалифицирующего признака ст. 107 и 113 УК РФ позволяет выделить и уточнить конкретные критерии судебно-психологической оценки аффекта как экспертного понятия. Данные критерии опубликованы в методических рекомендациях «Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого», утвержденных Секцией по психиатрии Ученого совета Минздрава России 30.10.2003 и Научно-методическим советом Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России 2.03.2005.

Согласно этим критериям, объем экспертного уголовно-релевантного понятия аффекта включает три вида эмоциональных реакций. Как предпосылку уголовно-правовой квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения, наряду с физиологическим и кумулятивным вариантами аффекта, можно рассматривать и выраженное эмоциональное напряжение, которое в условиях длительной психотравмирующей ситуации на высоте своего развития сопровождается частичным сужением сознания.

Впервые на соотносимость такого эмоционального напряжения с внезапно возникшим сильным душевным волнением указал М.М. Коценов. В своей докторской диссертации (1991) он пришел к выводу, что «психологическими доказательствами внезапно возникшего сильного душевного волнения... могут служить и состояния, не укладывающиеся

в строгие рамки понятия аффекта». К таким состояниям он относил выраженное эмоциональное напряжение. М.М. Коченов писал, что в его структуре существует «момент «срыва», наступающий неожиданно для субъекта переживания», который «является высшей точкой развития эмоциональной психической напряженности», при этом «состояние эмоциональной психической напряженности развивается более главно, чем аффект, но на «вершине» этого состояния происходят изменения сознания, мотивации поведения, сравнимые по качеству с изменениями, наблюдающимися при аффекте».

Это положение верифицируется судебной практикой. Анализ 25 постановлений и определений Верховных судов РФ, республик, краев и областей, касающихся квалификации ст. 107 УК РФ, показал, что в 15 случаях Верховные суды пересмотрели решения судов первичной инстанции о квалификации преступлений как «простого убийства» (ст. 105), переqualифицировав эти же преступления на «убийство, совершенное в состоянии аффекта» (ст. 107). При этом в 4 случаях Верховные суды при обосновании квалификации ст. 107 опирались на судебно-экспертные заключения психологов о том, что обвиняемые во время совершения преступления находились в состоянии «эмоционального напряжения, которое оказывало существенное влияние на их сознание и поведение (деятельность)».

Судебные экспертизы с участием психолога: ситуация в России сегодня

Ф.С. Сафуанов, Т.Н. Секераж
Москва

Первоначально проблема необходимости использования психологических познаний в форме судебной экспертизы была сформулирована не психологами, а юристами еще в начале 50-х годов под влиянием запросов судебной практики.

В конце 60-х годов в секторе психологических исследований НИИ Генеральной прокуратуры СССР благодаря главным образом М.М. Коченову с сотрудниками были начаты работы по исследованию возможности производства СПЭ в уголовном процессе. Немного позже — в начале 70-х годов — был поставлен вопрос о комплексном применении психологических и психиатрических познаний в судебной экспертизе.

В настоящее время специальные психологические познания используются в судопроизводстве в двух основных формах — в виде комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) и однородной судебно-психологической экспертизы (СПЭ).

КСППЭ проводится во всех судебно-психиатрических экспертных учреждениях МЗ и СР РФ медицинскими психологами (более 1000 ставок), СПЭ — в 27 (из 50) судебно-экспертных учреждениях Минюста России экспертами-психологами (45 ставок). За 2004 г. по стране проведено 41.980 КСППЭ и 906 СПЭ.

В системе Минюста существует система постдипломной подготовки экспертов-психологов (обучение по экспертной специальности, квалификационная аттестация). В системе Минздрава на сегодняшний день подготовка экспертов-психологов ограничивается тематическим усовершенствованием. Сейчас подготовлен проект системы подготовки экспертов-психологов Минздрава с учетом специфики должности медицинского психолога.

Круг вопросов, решение которых входит в компетенцию судебного эксперта-психолога, был определен в рамках СПЭ М.М. Коченовым. КСППЭ ассимилировала достижения СПЭ — в «орбиту» КСППЭ были вовлечены те виды СПЭ, которые имели аналоги в судебно-психиатрической экспертизе. Вместе с тем в рамках КСППЭ сложился круг вопросов, которые необходимо решать с привлечением и психиатрических, и психологических знаний и которые невозможно решить в рамках СПЭ. Но наряду с вопросами, которые являются общими и для однородной, и для комплексной экспертизы, в компетенцию КСППЭ не вошел целый ряд значимых для СПЭ проблем.

Таким образом, вопросы, решаемые СПЭ и КСППЭ, пересекаются лишь частично. Данное обстоятельство, наряду с постоянной заинтересованностью правоохранительных органов в производстве КСППЭ, определяет всевозрастающую их потребность в проведении и однородных СПЭ.

В последнее время мы сталкиваемся с попытками ввести в рамки судебных экспертиз с применением психологических знаний новые виды экспертиз, которые, с нашей точки зрения, проводить недопустимо. Это использование в экспертном исследовании полиграфа (детектора лжи), это экспертизы по определению признаков порнографии в произведении, а также экспертизы по определению психологического воздействия со стороны следователя на допрашиваемого.

Основной проблемой сегодня является выработка единообразных критериев экспертной оценки психической деятельности подэкспертных при производстве судебной экспертизы в уголовном и гражданском процессах, а также проблема определения границ компетенции экспертов-психологов при проведении предметных видов судебной экспертизы и разработке унифицированных и стандартизированных методов судебно-психологического экспертного исследования.

В настоящее время эти задачи уже решаются при тесном взаимодействии ГНЦ ССП им. В.П. Сербского и РФЦСЭ при Минюсте России.

Важным шагом для повышения эффективности взаимодействия судебно-психологических экспертных служб Минздрава и Минюста явилось

принятие решения о создании специализированной секции по судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертизам при Федеральном межведомственном координационном методическом совете по проблемам экспертных исследований.

Судебная психологическая экспертиза в гражданском процессе: возможности и перспективы (практика судебно-экспертных учреждений Минюста России)

Т.Н. Секераж
Москва

Поворотные этапы становления судебной психологической экспертизы (СПЭ) всегда были связаны с демократическими процессами в обществе. В настоящее время правовая и судебная реформы, совершенствование законодательства оказывают непосредственное воздействие и способствуют дальнейшему развитию этого рода экспертизы.

В системе судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России судебная психологическая экспертиза возникла в начале 80-х годов прошлого столетия и к настоящему времени прочно вошла в практику, проводится в большинстве региональных учреждений (с тенденцией к дальнейшему распространению), обрела свой статус, включена в Перечень родов экспертиз, выполняемых в СЭУ Минюста России.

В настоящее время теория СПЭ обладает достаточным арсеналом средств, позволяющих использовать достижения психологической науки для решения практических задач в различных сферах юридической деятельности. Наиболее разработанными являются вопросы применения психологических познаний в уголовном процессе. Существующие методики решения типовых диагностических экспертных задач по традиционным видам СПЭ модифицируются в зависимости от потребностей практики и достижений науки.

Одновременно с совершенствованием практики СПЭ в уголовном судопроизводстве ежегодно растет практика психологической экспертизы в гражданском процессе. В этом направлении проводятся экспертизы и исследования по делам:

1) о признании недействительными сделок с пороками воли (ст. 177—179 ГК РФ) — когда решить вопрос, было ли нарушено волеизъявление сторон, не было ли у стороны сделки сформировано неправильное представление о ее существовании, не действовала ли сторона в условиях принуждения и т.д., невозможно (или крайне затруднительно) без применения специальных познаний;

2) о компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ) для установления психического состояния лица в период, последовавший после психотравмирующего события, качественных и динамических характеристик такого состояния (глубины, стойкости, длительности); ценностей и отношений субъекта, наименее устойчивых к психотравмирующему воздействию, особенностей, способствующих увеличению глубины и интенсивности негативных субъективных переживаний (страданий), причинно-следственной связи между состоянием (имеющимися изменениями в психической деятельности) и психотравмирующим событием (действиями ответчика);

3) об определении места проживания ребенка, порядка участия в воспитании отдельно проживающего родителя, целесообразности усыновления (ст. 24, 65 СК РФ) для установления действительного отношения и привязанности ребенка к каждому из родителей (или опекунов), влияния состояния, индивидуально-психологических особенностей родителей, их действительного отношения к ребенку, стиля воспитания на гармоничное психическое развитие ребенка;

4) о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), в том числе для установления таких фактов, как имеется ли в тексте информация о лице, способствующая формированию его негативного образа в глазах читателей, является ли она психотравмирующей для истца, затрагивает ли значимые для него чувства, ценности и отношения;

5) о возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) для решения вопросов о наличии в тексте отрицательной эмоциональной оценки, негативных установок, побуждений к действиям против какой-либо группы (этнической, религиозной, социальной и т.д.) или ее отдельных представителей;

6) по иным категориям дел, где способность человека быть субъектом гражданско-правовых отношений и реализовывать свои немущественные права, определяется психологическими факторами.

В связи с появлением новых задач развиваются комплексные исследования (психолого-лингвистические, психолого-искусствоведческие), определяются пределы компетенции экспертов разных специальностей при решении единой экспертной задачи.

В значительной степени увеличению и расширению практики СПЭ в гражданском судопроизводстве способствуют особенности гражданского процесса (в том числе развитие принципов равноправия сторон и состязательности процесса), а также повышение активности адвокатов и самих граждан по защите своих прав и интересов в суде.

Применение психологических знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства)

Н. Ю. Семенова
Калуга

Анализ практики деятельности правоохранительных органов при расследовании дел, связанных с покушением на самоубийство, либо с самоубийством, показал, что суд и следствие обычно сталкиваются с проблемой квалификации деяний в соответствии со статьями Уголовного кодекса. В частности, Уголовным кодексом РФ предусматривается ответственность за доведение лица до самоубийства или покушение на самоубийство (ст. 110 УК РФ), в связи с чем основной целью расследования данного вида преступления становится доказательство наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и фактом самоубийства потерпевшего лица.

Помощь следственным органам в установлении добровольности акта самоубийства или доведения до самоубийства может оказать применение специальных психологических познаний в форме привлечения психолога в качестве эксперта для проведения судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства с целью установления наличия или отсутствия у потерпевшего в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству. При обнаружении признаков такого состояния возможно выявление их вероятностных причин, среди которых могут быть и действия конкретного лица.

Задачами такой экспертизы будут следующие: исследование индивидуально-психологических особенностей погибшего; исследование психического состояния погибшего в период, предшествующий смерти; исследование причин и условий развития у погибшего психического состояния, спровоцировавшего самоубийство.

Применение специальных психологических познаний позволяет выделить именно причины, вызывающие предсуицидальное состояние, и отделить их от поводов и условий самоубийства.

Причина суицидального поведения — понятие глубокое и сложное, включающее в себя все то, что вызывает и обуславливает суицид. А. Г. Амбрумова основной причиной суицидальных действий считает социально-психологическую дезадаптацию личности. Под условиями понимают такой комплекс явлений, который хотя и не порождает конкретные следствия, но выступает необходимой предпосылкой их становления и развития. Повод в отличие от причины — это событие, которое выступает толчком для действия причины. Повод носит внешний, случайный характер и не служит звеном в цепи причинно-следственных отношений.

Данное разграничение понятий необходимо учитывать для правильной квалификации действий лица, обвиняемого в доведении до самоубийства, так как часто человек, обвиняемый в данном преступлении, является лишь поводом для осуществления самоубийства, но не является истинной причиной ухода лица из жизни. В качестве причин суицидального поведения у практически здоровых лиц рассматривается интегральное воздействие трех основных групп факторов: 1) индивидуально-психологических особенностей, затрудняющих адаптацию; 2) средовых условий, в том числе социального окружения; 3) нахождения лица в определенном возрастном периоде, особенно характеризующемся возрастным кризисом.

В качестве примера судебной психологической экспертизы по факту покушения на самоубийство можно привести следующий случай: подэкспертная Д. 64 лет, второй год вынужденно находится на пенсии. Со слов Д., она всю жизнь посвятила сыну и своей работе (обучению детей в школе), муж воспитанием сына не занимался, последнее время проживал с другой женщиной. Д. проживает в квартире, принадлежащей ее невестке, в которой прописан и ее муж; сын имеет свою семью, проживает в другом городе. При попытках мужа решить вопрос с проживанием в квартире Д. приняла решение покончить жизнь самоубийством путем отравления таблетками, чтобы не осложнять жизнь своим родным и не слушать угрозы своего мужа. Придя в себя, Д. обвинила мужа в доведении до самоубийства. Экспертная беседа показала, что для Д. характерно неуспешное преодоление кризиса ранней старости, в связи с чем у нее сформировалась пассивная жизненная позиция (отчуждение от окружения, сужение круга интересов, потеря уважения к себе, чувство ненужности). Экспериментальное обследование выявило такие особенности личности Д., как тревожность, мнительность, боязливость, стремление строить свое поведение по общепринятым правилам, отсутствие тенденции самоутверждения, чувствительность, конформность, зависимость, интровертированность. Таким образом, эксперты-психологи пришли к выводу, что суицидальная попытка — результат личностной оценки ситуации и фиксации на ее психотравмирующем характере (с учетом возрастного кризиса и личностных особенностей подэкспертной), а конфликт с мужем явился поводом для ее осуществления.

Особенности назначения и методы проведения посмертных судебно-психологических экспертиз

Н.В. Середина
Ростов-на-Дону

Посмертная судебно-психологическая экспертиза является одним из самых сложных видов экспертизы. В ряде случаев мотивы суицида неочевидны, существует вероятность того, что человек покончил с собой, будучи доведенным до самоубийства, либо имеет место убийство, замаскированное под суицид. В этом случае по делу может быть назначена судебно-психологическая экспертиза.

Нами было проанализировано 20 посмертных судебно-психологических экспертиз (18 мужчин и 2 женщины). Средний возраст — 20 лет. 17 человек (мужчины) были военнослужащими срочной службы (12 человек) или курсантами военных училищ (3), а также военнослужащими в офицерских званиях (1) и служащими по контракту (1).

Основными методами исследования явились биографический метод и метод анализа документов (традиционный и формализованный), в рамках которого особое место должен занимать анализ писем, дневниковых записей, рисунков, предсмертных записок, иных продуктов психической деятельности погибшего.

Полученные результаты были распределены по следующим категориям: личностные свойства суицидентов; ситуация, предшествовавшая самоубийству или суицидальной попытке; пресуицидальное состояние суицидента накануне самоубийства или суицидальной попытки; мотивы суицидального поведения.

Ретроспективный анализ материалов экспертных исследований позволяет выделить следующие группы общих личностных свойств:

1) Неблагополучие коммуникативной сферы: замкнутость, малообщительность, неспособность постоять за себя, затрудненность в адаптации к новым условиям, конфликтность, выраженные шизоидные и застревающие черты характера (у 33,3%).

2) Сниженная толерантность к эмоциональным нагрузкам: быстрая истощаемость, колебания настроения, подверженность импульсивным реакциям, сильная зависимость поведения от настроения, склонность к фиксации на негативных переживаниях, эмоциональная чувствительность, конфликтность, вспыльчивость, несдержанность; тревожность, склонность к уходу от проблем (у 66,6%).

3) Неадекватная самооценка: болезненная реакция на замечания, завышенная самооценка, ранимость; сомнения в своих силах, раздражительность, низкая самооценка (у 50%).

4) Подверженность чужому влиянию, потребность в постоянной поддержке (у 28%).

Также можно заметить сходство в мотивах, ситуациях и состояниях, предшествовавших самоубийству.

Мотивы. Конфликты в отношениях с другими военнослужащими вместе с трудностями в адаптации к военной службе вообще; конфликты в лично-интимной сфере; стремление избежать уголовного преследования; протест против сложившихся обстоятельств, условий существования в крайней форме, приобретающей смысл адресной мести конкретным лицам.

Состояния. Наиболее общими состояниями были депрессивные состояния, состояния фрустрации, тревоги, эмоциональной напряженности. Но в нескольких случаях ничего необычного в поведении суицидентов не было замечено. Это, скорее всего, объясняется несовершенностью сбора информации во время предварительного следствия или намеренным ее сокрытием.

Ситуации. Ситуации с напряженными межличностными отношениями, вплоть до побоев и оскорблений, неудачи в личной жизни, напряженные отношения в семье. В трех случаях суициденты побывали в «горячих точках»; у троих незадолго до призыва умер отец; в двух случаях, когда мотивом самоубийства было избегание уголовной ответственности, суициденты сами применяли неуставные отношения к другим военнослужащим (в виде избиения). У девяти человек были напряженные отношения в семье.

Таким образом, наиболее характерными состояниями пресуицидального периода явились депрессивные состояния, тревога, фрустрация, а также эмоциональная напряженность.

Результаты нашего исследования позволили реконструировать такие мотивы самоубийства, как межличностные конфликты, попытка избежания уголовной ответственности. Выявленные типы суицидальной попытки — протест (месть), призыв и избегание.

Наши исследования направлены на разработку новых методов сбора и анализа материалов посмертных судебно-психологических экспертиз.

Психологическая экспертиза признаков достоверности свидетельских показаний детей и подростков

О.Д. Ситковская
Москва

В отечественной юридической психологии распространено мнение о том, что оценка достоверности свидетельских показаний относится к исключительной компетенции суда. Вместе с тем за рубежом (Х. Деттенборн и др.) проведены исследования, позволившие выделить ряд фак-

торов, влияющих на полноту и правильность показаний. С учетом этих данных, на основе обобщения собственного экспертного опыта нами разработана система *психологических признаков достоверности показаний*, позволяющих предложить некоторые подходы к их экспертной оценке.

Прежде всего, необходимо, чтобы допрашиваемый как можно более подробно описал происшествие. О правдивости показаний может свидетельствовать конкретное изложение обстоятельств дела, описание своих переживаний, а также второстепенных моментов в той мере, в которой они находятся в связи с главным. Чем подробнее описание, тем больше оно дает отправных точек для оценки логичности его содержания. Эта логичность состоит не только в том, что сообщаемые сведения совпадают с объективными данными, но они едины во времени, как правило, отражают чувства и мысли, владевшие свидетелем в момент происшествия.

На протяжении расследования показания ребенка могут существенно меняться. Это может происходить как в результате забывания событий, так и под влиянием воздействия на свидетеля многократных допросов и расспросов. Существенное значение имеют данные о том, обсуждались ли в его присутствии обстоятельства, которые в дальнейшем стали предметом допроса; не расспрашивали ли его другие лица по поводу этих обстоятельств. Неоднократные рассказы о реально происшедших событиях приводят к тому, что сами воспоминания в силу прошедшего времени стираются, и последующие показания нередко являются воспоминаниями не о происшедшем, а о первых показаниях.

В ходе проведения экспертизы необходимо проанализировать манеру и стиль изложения фактов. Плавкость, заученность показаний, употребление не свойственных данному возрасту оборотов речи, противоречивость сведений, сообщенных при свободном рассказе и при ответах на вопросы, нередко являются следствием того, что показания даются под чьим-то влиянием. Однообразная монотонная речь, одни и те же слова, одна и та же интонация от допроса к допросу, напоминающие чтение заученного текста, могут говорить в пользу того, что свидетель описывает происшествие не по воспоминаниям.

Такой свидетель по-новому изображает целые эпизоды, количество подробностей нередко увеличивается, а не уменьшается, они приукрашиваются деталями. Он часто выдвигает новые версии, опуская при этом целые фрагменты преступления. О ложности показаний могут свидетельствовать также явное уклонение от ответов, паузы (необходимые для обдумывания) и пр.

Как уже указывалось, между первыми и последующими показаниями, если между ними прошло длительное время, нередко можно зафиксировать типичные несоответствия, изменения. При этом суть происшествия существенным изменениям подвергаться не должна. Второстепенные же обстоятельства могут изменяться (даты, время, описание помещения, деталей одежды и пр.), менее интенсивным становится и эмоциональный фон показаний.

Описания, основанные на наблюдениях действительных событий, часто отличаются от вымышленных прежде всего богатством деталей, но решающее различие заключается в специфическом характере этих деталей. В первом случае наблюдается большое число подробностей, относящихся к главному содержанию происшествия, они связаны с эмоциональными переживаниями наблюдателя в момент события. Надуманные сообщения обычно не имеют такого «личностного» характера; здесь детали призваны создавать убедительную картину того, что никогда не происходило.

Для анализа и оценки показаний психологу необходим дословный протокол, а еще лучше — запись на магнитофон, что даст возможность эксперту проанализировать не только суть показаний, но и интонации, манеру говорить, тон и пр. Анализ магнитофонной записи показаний позволит учесть и настроение свидетеля во время дачи показаний, оно должно быть адекватно происшедшему, интенсивности пережитого, времени, прошедшему после происшествия.

Таковы самые общие ориентиры, которыми может руководствоваться эксперт при оценке свидетельских показаний ребенка (подростка) с точки зрения их психологической достоверности. Отсутствие желания давать показания, неумышленное введение в заблуждение следствия или суда к компетенции эксперта не относятся.

Естественно, как и в других случаях, заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, подлежит проверке и оценке судом. При этом суд решает, насколько выводы эксперта увязываются с установленными фактическими обстоятельствами и материалами дела, другими доказательствами.

Актуальные вопросы усиления доказательности экспертного заключения психолога в суде

В.А. Урываев
Ярославль

Практика проведения психологических (комплексных судебных психолого-психиатрических) экспертиз выявляет целый ряд проблем, требующих, по мнению автора публикации, оперативной реакции профессионального сообщества юридических психологов. Большинство вопросов касается соблюдения требований ст. 204 УПК РФ. В комментариях к Федеральному закону «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации» подчеркивается: «В исследовательской части заключения прямо указываются ход и результаты исследования, дается оценка экспертом полученных результатов и приводится обоснование даваемых выводов». К сожалению, часто в заключении экспертиз мы встречаем только «оценку и выводы», опускается изложение «результатов».

1. *Лицензирование психодиагностических методик, используемых для проведения экспертиз.* Необходим общественный экспертный совет, регулярно публикующий (пересматривающий, пополняющий) списки психодиагностических методик, положительно зарекомендовавших себя в практике. Как пример можно указать на пресловутый «Мини-Мульт», валидность которого уже не раз опровергнута, но который попадает даже в рекомендательный список для юридических психологов. Подчеркнем, эта проблема особенно актуальна как раз для подобного рода «экспресс»-диагностики.

2. *Ужесточение требования к раздельному изложению результатов применения психодиагностических методик и их интерпретации.* Далеко не редки случаи, когда психолог-эксперт без изложения данных примененных психодиагностических тестов, «с места в карьер» переходит к интерпретации. Например, не указав код профиля ММРР по Уэлшу, психолог может приступить к описанию личности, тем самым создавая у участников процесса впечатление полной произвольности (неограниченности, субъективности интерпретаций, «заказанности» сторонами процесса) психологических заключений.

3. *Количественная оценка личностных показателей.* Описанная выше проблема актуальна в отношении всех личностных методик. Автор публикации практически не встречал (в экспертных заключениях!) описания результатов методики Розенцвейга, дающихся отдельно от интерпретации. Не указывается даже показатель GCR, не говоря уже о профилях, образцах, тенденциях. Компактно можно и должно (!) указывать результаты проб Сонди, Люшера, ПДО и др., тем самым разделяя, согласно требованиям УПК, «результаты» — «оценки» — «выводы».

4. *Количественная оценка интеллекта.* В МКБ-10 (диагностическая система, официально одобренная и принятая к использованию в РФ) признается существенной для медицинской диагностики количественная оценка интеллекта. Представляется, что и в судебной практике, особенно в рамках КСППЭ количественная оценка интеллекта должна быть «реабилитирована». Конечно, перед экспертами-психологами в практическом плане встают крайне серьезные проблемы, но, по убеждению автора публикации, их встает еще больше при фактическом отказе от традиций, сложившихся в мире. Автор убежден, что интеграция «качественной» по своей направленности диагностики российской традиции с «количественным» по своей методологии подходом в традиционной оценке IQ позволяет получить высококачественные образцы заключений. Другое дело, что усилия в направлении адаптации и внедрения современных методов количественной оценки интеллекта (в частности, WISC-III, батареи Стэнфорд-Бине) должны быть и усилены, и, возможно, форсированы.

5. *Соотношение «позитив—негатив».* В практике экспертизы автору публикации неоднократно приходилось сталкиваться с проблемами оценки адаптационных возможностей людей, имеющих группу инвалидности по психическому заболеванию либо просто «психиатрический опыт».

В этой связи бросается в глаза одна из особенностей выводов экспертиз, не получившая еще достаточного внимания со стороны профессионального сообщества. Представляется возможным сформулировать это как проблему «взвешенности» соотношения «позитива» и «негатива» в характеристике личности и реальных адаптационных способностей человека в целом. Не секрет, что «медицинская» традиция (психиатрическая в том числе) центрирована на «негативе». Это связано, по мнению автора, с очевидным приоритетом распознавания и купирования (лечения, помощи) болезни и болезненных состояний. «Психологическая» традиция имеет противоположные приоритеты — в направлении роста и развития, ресурсов и преодоления, творчества и сопротивления. По мнению автора, в «юридической» же традиции (при написании итогового заключения, формулировке выводов) эти разнонаправленные тенденции обязательно должны быть соотношены. По крайней мере выводы эксперта должны начинаться с «позитива» — с развернутого ответа на вопрос, что же способствовало (и способствует) успешной адаптации испытуемого в жизни до того момента, когда он стал участником юридически значимой ситуации. Мы полагаем, что только после этого можно описывать «дефицитарные» по своей сути (если они имеются) симптомы, препятствующие адаптации.

Прогноз возможного расширения сферы психологических экспертиз в уголовном процессе

Л.Б. Филонов
Москва

Представляется, что главная заслуга М.М. Коченова заключается не только в обосновании необходимости проведения психологических экспертиз на предварительном и судебном следствии. Более значимо то, что он возбудил в юридической среде интерес к анализу и использованию психических явлений в судебной практике. Следует заметить, что нормы уголовно-процессуального права прямо предписывается установление характеристик лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Как показал анализ высказываний юристов, у них возникли ожидания предложений со стороны психологов относительно новых экспертиз, связанных с анализом мотивов поведения, спецификой правосознания и особенностями действия психических качеств человека.

Юристы готовы принимать заключение психологов, обоснованное как доказательство и основанное на материалах последних изысканий в психологической науке.

Справедливо мнение, что обычно получаемые на практике сведения о личности не выходят за рамки обыденных суждений и «стандартных клише». Прежде всего ожидаются сведения о напряженности некоторых качеств, признанных асоциальными агрессивности, жестокости, жадности, завистливости, хитрости и лживости. Примечательно, что все эти качества (кроме завистливости) прямо или косвенно «предусмотрены» в диспозициях отдельных статей Уголовного кодекса.

Как показали наши исследования, именно эти качества способствуют усилению криминогенных тенденций и создают предпосылки для совершения противоправных действий.

По мнению юристов, значимы не только «наличные» величины и меры напряженности этих качеств. Целесообразно выяснять каждый раз факторы, вызывающие их напряженность, а также детерминанты, создавшие эти качества. В терминах юристов: «причины, порождающие асоциальные качества», «стечение обстоятельств, провоцирующих и продуцирующих действие этих качеств». Далее по логике исследования предлагается также просмотр вероятностной изменчивости этих качеств. Прогноз их динамики также должен приниматься во внимание. Всегда рационально предвидеть и те «влияющие силы», которые должны быть предусмотрены в связи с их предполагаемым воздействием. Значимо также и установление факторов, которые могут повлиять на устранение доминирования опасных качеств. Следует сказать, что юристов интересуют также и системы признаков и показателей проявления значимых качеств человека. Они могут лечь в основу анализа «мотивационных конструкций», определяющих общую картину противоправного деяния.

Естественно, что в настоящее время не представляется реальным предполагать создание специальных диагностических центров, подобных тем, которые успешно действовали в Польше в 70-е годы прошлого века (центры диагностики подростков-правонарушителей). Сегодня для обеспечения экспертиз достаточно наличия точных и «имеющих доказательную силу» методов и принципов. Целесообразно создание центров по разработке стандартизированных методик, которые обеспечивали бы единый подход к организации экспертных оценок. Практически это применение методик комплексного исследования индивидуальности.

Такой подход обеспечивает возможность одновременного просмотра и величин качеств, и их связей и зависимостей. Получаемые «детерминационные поля» позволяют распознавать как степени отклонения от нормы, так и меру приближения к конкретному типу преступника.

Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних правонарушителей: новые задачи

С. С. Шипшин
Ростов-на-Дону

Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних в «новой» истории СПЭ занимает особое место. Очевидно, что идея необходимости использования психологических знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, высказанная Г.М. Миньковским в известной работе (1959), дала толчок для разработки теоретических и методических основ СПЭ несовершеннолетних. Это нашло отражение в работах М.М. Коченова, создавшего современную систему СПЭ. Следует отметить, что за истекшие почти тридцать лет со дня выхода книги М.М. Коченова «Судебно-психологическая экспертиза» (1977) психологическая экспертиза несовершеннолетних стала едва ли не самым востребованным следственной и судебной практикой видом СПЭ. В то же время изменения законодательства, внедрение в правосудие идей и принципов ювенальной юстиции ставят на повестку дня новые задачи.

Прежде всего это касается категориального аппарата СПЭ несовершеннолетних. Так, юридически значимой является неполная способность несовершеннолетнего осознавать фактический характер своих противоправных действий, их общественную опасность или неполная способность руководить своими действиями. Констатация этого факта влечет за собой разные правовые последствия, если указанное ограничение способности будет обусловлено либо наличием психического расстройства, либо иными, не связанными с ним причинами. Возникает проблема определения экспертного понятия отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Эта проблема является предельно актуальной, поскольку существуют различные подходы к определению психологического феномена, описываемого юридическим понятием «отставание в развитии» (Е.Г. Дозорцева, Е.И. Цымбал и др.). Дело осложняется тем, что можно говорить о существенном расширении представлений о психическом расстройстве после принятия МКБ-10.

Недостаточная разработанность экспертных понятий влечет за собой проблему разработки критериев экспертной оценки отставания, «личностной незрелости». В публикациях последних лет (Е.Г. Дозорцева, Е.И. Цымбал, И.А. Горьковая) предпринимаются попытки решить эту проблему, но пока преждевременно говорить о ее разрешении.

Обозначенные выше проблемы обуславливают определенные трудности в подборе, а также разработке нового диагностического инструментария. Прежде всего, это касается методов экспертного исследования личности правонарушителя, уровня сформированности системы его ценностей (в том числе правовых), что является крайне важным при

оценке способности подростка к социально ориентированной регуляции поведения в условиях выбора. При этом следует обратить внимание на специфику объекта СПЭ несовершеннолетних — динамически неравномерно развивающуюся психику подростка, что порождает существенные трудности при экспертном исследовании — существует реальная вероятность, что мы исследуем уже «другого» подростка, явно отличающегося от того, который совершил правонарушение.

Использование принципов и подходов ювенальной юстиции, появление специализированных ювенальных судов расширяют представления о пределах компетенции СПЭ несовершеннолетних. Во-первых, экспертиза помимо ретроспективного приобретает проспективный характер — решаются задачи не только установления способности несовершеннолетнего к осознанно-волевой регуляции своего поведения в момент совершения преступления, но и задачи диагностики риска рецидива. Во-вторых, объектом СПЭ становится психическая деятельность несовершеннолетнего правонарушителя, не достигшего минимального возраста виновной ответственности, поскольку одной из центральных задач ювенальной юстиции является ранняя ресоциализация ребенка, вступившего в конфликт с законом. При этом, несмотря на то что в процессе расследования малолетний правонарушитель приобретает процессуальный статус «свидетеля», СПЭ в данном случае предполагает решение задач, отличающихся от тех, которые решаются в рамках экспертизы свидетелей.

Представляется, что поставленные вопросы не исчерпывают многообразия проблем СПЭ несовершеннолетних правонарушителей на современном этапе, но они требуют незамедлительного решения в рамках комплексного подхода, с участием специалистов смежных областей знания (психологии, психиатрии, медицины), представляющих учреждения различной ведомственной принадлежности.

СОДЕРЖАНИЕ

М.М. Коченов (биографическая справка)	5
---	---

Правовая психология

<i>Алексеева Л.В.</i> (Тюмень) Модель психической организации и субъектного самоуправления личности	8
<i>Ананьева Н.А.</i> (Москва) Исследование представлений граждан о возможности совершения противоправного поступка	10
<i>Валицкас Г., Юстицкис В.</i> (Вильнюс, Литва) Требования процедурной справедливости и реальное поведение судей	12
<i>Ефремова Г.Х.</i> (Москва) Психолого-правовые исследования правосознания	14
<i>Шипшина О.С.</i> (Ростов-на-Дону) Исследование представлений о правовых нормах у несовершеннолетних, не достигших минимального возраста уголовной ответственности	15

Криминальная психология

<i>Ениколопов С.Н., Кузнецова С.О.</i> (Москва) Проблема враждебности в криминальной и клинической психологии	18
<i>Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.</i> (Москва) Проблема легитимизации агрессии в юридической психологии	20
<i>Козлов И.С.</i> (Москва) Личностные особенности женщины с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, совершивших агрессивные преступления	22
<i>Кравцов О.Г.</i> (Москва) Исследование мотивационной тенденции к агрессии у несовершеннолетних правонарушителей	24
<i>Макаренко С.Л., Миннетдинова Л.М.</i> (Казань) Сравнительная характеристика женщин с различным объектом криминальной агрессии	26

<i>Михлина И.В.</i> (Москва) Правовые и психологические проблемы борьбы с экстремизмом	28
<i>Смирнова Т.Г., Бочаров В.В.</i> (Санкт-Петербург) Изучение центральных «Я-функций» у лиц с различными паттернами криминального поведения	29
<i>Шипшин С.С.</i> (Ростов-на-Дону) Целостный подход к экспертному исследованию агрессивности обвиняемых	31

Судебная психология

<i>Андреанов М.С.</i> (Москва) Проблема экспертной оценки смысловой направленности невербальных компонентов коммуникации, ставших предметом судебных разбирательств	34
<i>Бердников Д.В., Секераж Т.Н.</i> (Москва) К вопросу о психофизиологической экспертизе	36
<i>Дворянчиков Н.В.</i> (Москва) Применение психологических знаний в экспертном судебно-сексологическом исследовании	38
<i>Енгальчев В.Ф.</i> (Калуга, Россия), <i>Дж. Сьюэрд</i> (США) Теория и практика исследования феномена «подавленных воспоминаний» в судебной психологии	40
<i>Калинина А.Н.</i> (Москва) Обобщение практики производства в СЭУ Минюста России судебной психологической экспертизы по фактам морального вреда	42
<i>Карлунин С.А.</i> (Калуга) Возможности использования когнитивного интервью при проведении судебно-психологической экспертизы	44
<i>Кисляков В.П.</i> (Волгоград) Анализ ролевого и межличностного взаимодействия в психодиагностической судебной экспертизе	45
<i>Климачева Е.В., Шармина С.Л.</i> (Москва) Об опыте проведения психолого-педагогических экспертиз в гражданском процессе психологами образовательных учреждений	47
<i>Кроз М.В., Ратинова Н.А.</i> (Москва) Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности ксенофобских материалов	49

<i>Мапатникова Н.Н., Голубев О.Ю., Нахабедян С.А. (Ростов-на-Дону)</i>	
Особенности реинтеграции несовершеннолетних жертв сексуального насилия в ситуации фрустрации	51
<i>Оселков А.А. (Калуга)</i>	
Особенности работы с материалами уголовного дела как источником данных в рамках судебно-психологической экспертизы	53
<i>Савина О.Ф., Морозова М.В. (Москва)</i>	
Особенности экспертной психологической оценки маскированных пресуцидальных состояний у военнослужащих срочной службы	54
<i>Сафуанов Ф.С. (Москва)</i>	
Психологические критерии судебно-экспертного определения аффекта	57
<i>Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. (Москва)</i>	
Судебные экспертизы с участием психолога: ситуация в России сегодня	58
<i>Секераж Т.Н. (Москва)</i>	
Судебная психологическая экспертиза в гражданском процессе: возможности и перспективы (практика судебно-экспертных учреждений Минюста России)	60
<i>Семенова Н.Ю. (Калуга)</i>	
Применение психологических знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства)	62
<i>Середина Н.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
Особенности назначения и методы проведения посмертных судебно-психологических экспертиз	64
<i>Ситковская О.Д. (Москва)</i>	
Психологическая экспертиза признаков достоверности свидетельских показаний детей и подростков	65
<i>Урываев В.А. (Ярославль)</i>	
Актуальные вопросы усиления доказательности экспертного заключения психолога в суде	67
<i>Филонов Л.Б. (Москва)</i>	
Прогноз возможного расширения сферы психологических экспертиз в уголовном процессе	69
<i>Шипшин С.С. (Ростов-на-Дону)</i>	
Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних правонарушителей: новые задачи	71

**Материалы
конференции по юридической психологии,
посвященной памяти
М.М. Коченова
Часть I**

**Корректор *В.С. Антонова*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова***

**Формат 60x90¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон».
Тираж 150 экз.**

Лицензия ИД № 01278 от 22.03.2000